

АНАТОЛИЙ ЧУПРИНСКИЙ

ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ФИНИШ

Пьеса в двух действиях

Москва
Издательство «БПП»
2010

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КОВАЛЬ
ЛАРИСКА
ОЧКАРИК
ГЛУХОВ
СВЕТА
ПРОНСКАЯ
ЖЕНА
ДВЕ ДЕВОЧКИ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена представляет собой большое полуподвальное помещение. Несколько узких окон, за ними сплошь зелень кустов. Все стены увешаны листами импортных календарей и фотографиями популярных актеров кино. Под потолком несколько ламп дневного света. Посредине стол для игры в настольный теннис с туго натянутой сеткой.

На заднем плане подвала в самой глубине еще один стол. За ним вяло перекидываются шариком две девочки. Эти две играющие будут почти постоянным фоном всего действия. Иногда они незаметно исчезают, также незаметно появляются снова.

На переднем плане справа — три ступеньки наверх и выход на улицу, слева, за фанерной дверью, маленькая каморка, над дверью два мощных динамика. В каморке — тахта, тумбочка, стол, два стула, несколько автомобильных покрышек, на стуле портативный магнитофон. Повсюду в беспорядке разбросаны разные вещи.

Кроме играющих на заднем плане девочек, в подвале еще двое. Обоим лет по шестнадцать-семнадцать.

ЛАРИСКА пытается перочинным ножом открыть дверь каморки, ковыряет замок. ОЧКАРИК стоит на ступеньках лестницы выглядывает на улицу.

ОЧКАРИК. Лариска! Кончай, неудобно!

ЛАРИСКА. Заткнись!

ОЧКАРИК. Дверь ломаешь, дура!

ЛАРИСКА удачно ковырнула замок, дверь распахнулась. Она сделала знак Очкарику, чтоб стоял на месте, сама вошла в каморку. Подозрительно осматривает все вокруг, трогает руками предметы. Особенно тщательно осматривает женские вещи. ОЧКАРИК отошел от двери, подошел к каморке.

ЛАРИСКА. Трудно постоять там, да? Для меня, да?

ОЧКАРИК. Чего ты хочешь доказать?

ЛАРИСКА. Он — подонок. *(Подняла с тахты венские колготки.)* Ночами водит сюда, женщин.

ОЧКАРИК. Тебе-то что!

ЛАРИСКА. Ничего! Он аферист и бабник. С каждого за нас дерет по трешнику в час. Посчитай, сколько у него учеников? Сколько он зарабатывает в день? А в месяц?

ОЧКАРИК. Сейчас все подрабатывают. Кто как может.

ЛАРИСКА. На наши трешники он купил себе «Жигули»!

ОЧКАРИК. Это, знаешь. Могу, на что угодно спорить, эту развалюху он подобрал на свалке. Ну, подремонтировал, ну, ездит...

ЛАРИСКА вышла из каморки, захлопнула дверь.

ЛАРИСКА. Не ездит, а баб своих катает. Но не в этом дело. Других учит, а сам, небось, играть-то не умеет. Ты заметил, он никогда ракетку в руки не берет. Почему?

ОЧКАРИК. Дура! Он кандидат в мастера спорта. Я сам у него книжечку видел.

ЛАРИСКА. Купил. Или подделал.

ОЧКАРИК. Не нравится, чего ходишь тогда. Деньги зря переводишь.

ЛАРИСКА. Мне просто интересно, чем все это кончится. Я его насквозь вижу! Каждую секунду — шуточки, улыбочки, анекдоты, а сам глазами так и шарит, будто раздевает всю. Гад!

ОЧКАРИК. Лариска-а! Ты к нему равнодушна.

ЛАРИСКА. Чего-о?!

ОЧКАРИК. То самое. Он на тебя не смотрит, вот ты и бесишься.

ЛАРИСКА вспыхнула, резко швырнула ракеткой Очкарику в голову. Очкарик нагнулся, ракетка ударилась о стенку. Девочки на втором плане прекратили игру, с интересом смотрят на них. ЛАРИСКА и ОЧКАРИК смотрят друг на друга.

ЛАРИСКА. Ты говорил, ради меня сделаешь что угодно.

ОЧКАРИК. Ну, допустим.

ЛАРИСКА. Лезь под стол!

ОЧКАРИК. Зачем?

ЛАРИСКА. Лезь, или... Или не подходи ко мне больше, понял!

ОЧКАРИК. Ты чего, взбесилась?

ЛАРИСКА. Лезь под стол! И лай собакой! Ну!!!

ОЧКАРИК медленно опустился на колени, залез под стол.

ОЧКАРИК. Гав! Гав!! Гав!!!

ЛАРИСКА. Громче!!!

ОЧКАРИК медленно вылез из-под стола, отряхнул брюки. Девочки, потеряв к ним интерес, возобновили игру.

ОЧКАРИК. Спа-а-асибо тебе. Вовек не забуду.

ЛАРИСКА. Еще раз скажешь, что я к нему равнодушна... (*ОЧКАРИК сделал страшную гримасу, растопырил в стороны руки, идет прямо на Лариску. Та испуганно отступает.*) Ты... ты — чего? С ума сошел?!

ОЧКАРИК. Угадала. Я псих. Я им стал. По твоей милости.

ЛАРИСКА. Не подходи! Я кричать буду! А-а-а!!!

Дверь резко распахнулась, по ступенькам в подвал спустился КОВАЛЬ. Тридцать восемь лет. Резок, порывист, импульсивен. Разговаривает очень быстро, почти скороговоркой. Природный холерический темперамент постоянно толкает его в лидеры, чем бы он ни занимался, хотя данных у него для лидерства никаких. Обаятельная внешность, особенно улыбка, сразу располагают к нему как женщин, так и мужчин. В руках он держит сразу несколько бутылок пива.

КОВАЛЬ. В чем дело? Почему стоим? Двигаться, друзья мои, двигаться! Человек рожден для движения.

Гиподинамия — бич нашего времени, спросите у любого медика. Спасение в постоянном движении. А в вашем возрасте и говорить нечего. Тем более, вы — дети, родившиеся на асфальте. Хилые цветы города. В вашем возрасте я спал по полчаса в сутки. Если не меньше. Вертелся как бес в колесе. Мне хотелось сразу быть в десяти местах. И я все успевал. И любовь крутил, и ни одной выставки не пропускал.

ЛАРИСКА. Это вы уже говорили.

КОВАЛЬ. Разве? Странно. Обычно я никогда не повторяюсь. Но это не дает вам права лентяйничать. Двигаться, друзья мои, двигаться! Я не из тех дельцов-репетиторов, которые вешают свои объявления на столбах. «Обучаю английскому за полтора месяца!» «Готовлю в ВУЗ за неделю!». Ничего такого я не обещаю. Но то, что вы будете играть как бога, даю слово. За свои деньги вы должны, имеете полное право, вы просто обязаны играть минимум на уровне первого разряда. И я не намерен никому давать спуску. Ни вам, ни себе! А посему — работать! Работать! Начинайте, я только сделаю один звонок.

КОВАЛЬ зашел в каморку, поставил бутылки на стол, тщательно запер за собой дверь. Достал из тумбочки телефонный аппарат, долго вертит диск. ЛАРИСКА подошла к двери каморки, напряженно прислушивается.

КОВАЛЬ (в трубку.) Мама! Это я! Как себя чувствуешь? Да, да. Ничего, перемелится. Мне никто не звонил? (Глубоко вздохнув.) Бог ты мой, ма-ма-а! Тысячу

раз тебе талдычил, мне сюда звонить никто не может. Этот телефон спаренный, нелегальный. Неужели трудно запомнить? Ладно, кто звонил? Надо было записать, вдруг — важное. Я тоже все забываю. Сейчас все всё забывают. Повальное явление. Вроде гриппа. Ты что, с Челкашем гуляла? И как? А зачем спускала с поводка? Ладно, мать, мне некогда. Заеду как-нибудь. На днях. Хорошо. Целую. Хвостатому другу — привет! Пока!

КОВАЛЬ нажал на рычаг, опять вертит диск. ОЧКАРИК снял очки, скорчил отвратительную гримасу, подошел к Лариске.

ЛАРИСКА. Чего вылупился?

ОЧКАРИК. Так ты смотришь на него.

ЛАРИСКА. Выгляжу такой debilкой?

ОЧКАРИК. Ты себя с головой выдаешь, когда смотришь на него!

ЛАРИСКА резко отошла от двери в другой конец подвала. КОВАЛЬ еще раз нажал на рычаг, опять долго вертит диск.

КОВАТЬ (*в трубку*). Техникум? Будьте добры, позвоните из учебной части Карину! Да, да. Спасибо!.. Кариночка! Это я! Выручай, у меня опять полный завал, зашиваюсь. Скажи моей группе, пусть сами по-тихому грызут буквари и не шатаются по этажам. Я, мол, подойду чуть позже. Идет? Кому какое дело, господи! Ты же знаешь, свои полставки я всегда отработаю. Даже сверх того! Да, да. И вообще! Ни кой черт этим пай-

девочкам машиноведение? Все равно ни одна не будет работать по специальности. В лучшем случае родители запихнут в какой-нибудь НИИ. А? Была б моя поля, я б их всех — к станку. Или лопаты в руки и в колхоз. Честное слово, государству сплошная польза. Что? Извини, что достать? Обмозгую. Знакомых нет, но достану. Будь спокойна. Я слов на ветер не бросаю. Целую. По-дружески, по-дружески. Естественно.

КОВАЛЬ положил трубку на рычаг, усмехнулся. Спрятал аппарат в тумбочку, пригладил волосы, взял бутылку пива, решительно вышел из каморки.

КОВАЛЬ. Опять стоим? Друзья мои! Я вас буду наказывать! Сечь, пороть, ставить на горох! Работать! Двигаться, двигаться! *(Поставил бутылку на стол, громко хлопает в ладоши. Девочки на втором плане заиграли вдвое быстрее.)* Лаура! Тебя это касается в первую очередь. К столу! Прошу, прошу! Кстати, почему это ты сегодня не накрасилась?

ЛАРИСКА. Мы будем заниматься или нет?

КОВАЛЬ. Разумеется. Для того мы и собрались здесь. Разве нет? Как твои дела?

ЛАРИСКА. Блестяще.

КОВАЛЬ. Я имел в виду, как твоя очередная любовь? Судя по твоим ненакрашенным глазам, ты в нем уже разочаровалась, верно?

ЛАРИСКА. В ком — в нем?

КОВАЛЬ. Станный вопрос! В том длинноволосом верзиле, с которым я тебя вчера видел у кинотеатра

«Варшава». Только не говори, что ты увлечена им еще больше и потому сегодня не накрасилась.

ЛАРИСКА швырнула ракетку на пол и быстро выскочила из подвала, хлопнула дверь. КОВАЛЬ засмеялся. Открыл бутылку пива об угол стола, пьет прямо из горлышка.

ОЧКАРИК. Догнать?

КОВАЛЬ. Не стоит. Сейчас вернется.

ОЧКАРИК. Юрий Андреевич! Зачем вы ее дразните? Лариса она — не такая, как все.

КОВАЛЬ. Ни слова больше! Все ясно! Друг мой! Когда доживешь до моего возраста, ты тоже наверняка, я в этом просто убежден, будешь оценивать всех женщин по системе «светофор». «Красный! Желтый! Зеленый!». Я встречал женщин, у которых со всех сторон постоянно маячит только «зеленый»! С ума сойти! Потрясающе! Наш брат, естественно, мчит на них со всех сторон. На полном газу. В результате — аварии, аварии. Иной раз даже со смертельным исходом. А они топают себе дальше на своих каблучках и даже не поинтересуются, что там за груды и обломки остались у них за спиной. К чему это я? Ах да! Твоя Лаура — она ярко выраженный «красный». Пока во всяком случае. Тут я — пас. Жму только на тормоз. Конечно, тянет иногда проехаться но... *(Поднял вверх руки.)* ...закон! Закон строг, суров и даже беспощаден. Законы нужно уважать. Ты как, согласен со мной?

ОЧКАРИК. Не знаю. Я дальтоник.

КОВАЛЬ. В женском смысле или вообще?

ОЧКАРИК. Во всех смыслах.

КОВАЛЬ. Потрясающе! Бедняга! Сочувствую всей душой. Как это тебя угораздило? Ах да! Бестактный вопрос. Извини. Больше не буду. Кстати, насчет светофоров. Мне нужно звякнуть в ГАИ.

КОВАЛЬ поставил бутылку пива на стол, направился к каморке. Резко распахнулась дверь, в подвал вошла ЛАРИСКА. Подошла к столу, положила бумажку, прихлопнула ладонью.

ЛАРИСКА. Вот ваши три рубля!

КОВАЛЬ. На следующее занятие не забудь надеть новые туфли. Те, что на высоком каблуке. Тебе очень к лицу. Или их опять мама забрала себе?

ЛАРИСКА. На меня можете больше не рассчитывать, ясно?

КОВАЛЬ. Потрясающе! Только, по-моему, ты ошибаешься.

На пороге подвала помнился ГЛУХОВ — плотный, коренастый мужчина неопределенного возраста. Большое, красное отечное лицо. Разговаривает категоричным, начальственным тоном.

ГЛУХОВ. Та-ак! Опять нарушаем? Юрий Андреевич! Я вас предупреждал неоднократно. Никаких подпольных занятий, никакой самодеятельности. Комиссия нагрянет, кто отвечать будет?

Девочки на втором плане спрятали ракетки за спины. КОВАЛЬ мотнул головой, сделал жест в сторону каморки.

КОВАЛЬ. Сергея Петрович! Прошу на два слова!!!

ГЛУХОВ. Здание в аварийном состоянии. Мне из исполкома каждый день звонят. А вы тут электричество среди бела дня палите. Кто разрешил, спрашивается?

КОВАЛЬ (*громко*). Почему остановились? Работать! Работать! Подача — удар! Подача — удар! Ритм, ритм! (*Хлопает в ладоши.*) Работать! Работать!

Девочки на втором плане испуганно играют как заведенные. КОВАЛЬ взял Глухова под руку, почти силой затолкнул его в каморку, плотно прикрыл за собой дверь.

КОВАЛЬ. Ты чего разорался? В чем дело?

ГЛУХОВ. Подпольные занятия пора кончать.

КОВАЛЬ включил магнитофон, из динамиков слышалась резкая ритмическая музыка. Соло ударника. КОВАЛЬ выглянул из двери, в ритме музыки хлопает в ладоши. ЛАРИСКА демонстративно повернулась спиной и вышла из подвала. КОВАЛЬ посмотрел ей вслед, кивнул Очкарику, закрыл дверь.

КОВАЛЬ. В чем дело, я спрашиваю? Ты зачем меня перед учениками дискредитируешь? Я тебе что, мало плачу?

ГЛУХОВ. Здание в аварийном состоянии, сам знаешь.

КОВАЛЬ. Я другое знаю. Опять вчера набрался сверх всякой меры! Башка трещит, опохмелиться хочешь, так и скажи. Нечего тень на плетень наводить. Дипломат хренов! *(КОВАЛЬ достал бутылку коньяка, налил в стакан.)*

ГЛУХОВ. Марочный?

КОВАЛЬ. Краску не держу. Пей и дуй на воздух. Проветри мозги.

ГЛУХОВ. Будь здоров!

ГЛУХОВ выпил, крякнул. Достал папироску, закурил. КОВАЛЬ сморщился, подошел к окну, раскрыл форточку.

КОВАЛЬ. Учти, разгонишь мне учеников, про коньяк забудь. Будешь у своей сквалыги-жены копейки выпрашивать. Или того хуже, у ларька на пиво сшибать. Тоже моду взял, чуть что — глотку драть.

ГЛУХОВ. Ты меня с собой не равняй. Ты руки в брюки похаживаешь, да трешки собираешь. А я знаешь, чем рискую? Если что мне такое припаяют, будь здоров!

КОВАЛЬ. Отбояришься, не впервой, надо думать.

ГЛУХОВ. Тебе хорошо языком-то молоть. Деньги тебе сами, можно сказать, в карман прыгают. А если что — отвечать я буду. Ты-то ведь в кусты, только тебя и видели.

КОВАЛЬ. Ты из себя святую простоту не корчи. Кто меня подбил на это дело? И насчет денег — тоже. Добрая половина моих трешек у тебя в карманах оседает.

Если не две трети. Так что пей свое пойло и освободи помещение. Потрясающе!

ГЛУХОВ взял бутылку, сам налил себе еще в стакан. Опять вылил, крикнул, покачал головой. КОВАЛЬ отвернулся.

ГЛУХОВ. Тут такое дело, внуку подарок купить надо.

КОВАЛЬ. Не наглей, милый! Ты ему три дня назад хоккейную клюшку купил, хватит.

ГЛУХОВ. Он теперь кожаный мяч требует.

КОВАЛЬ. Потрясающе! Хваткий у тебя внучок. Весь в деда, как я погляжу. Почем нынче мячи?

ГЛУХОВ. Сам соображай. Кожаный мяч, не что-нибудь.

КОВАЛЬ достал из кармана несколько бумажек, сунул их Глухову. Тот, не считая, сгреб их, положил в карман. Потом тяжело вздохнул, прилег на тахту, вытянул ноги.

ГЛУХОВ. Ты извини, парень Я тут у тебя отдохну маленько. Не возражаешь? Я тихонько, не помешаю. Ты занимайся, занимайся.

КОВАЛЬ секунду стоял в нерешительности. ГЛУХОВ захрапел. КОВАЛЬ подошел к тахте, тронул Глухова за плечо, но тот уже крепко спал. КОВАЛЬ вышел из каморки, прикрыл за собой дверь, сильно выдохнул.

КОВАЛЬ. Так! Почему стоим? Где наша застенчивая Лаура?

ОЧКАРИК. Ушла.

КОВАЛЬ. Потрясающе! Опять?

ОЧКАРИК. По-моему, на этот раз насовсем.

КОВАЛЬ. Что это с ней?

ОЧКАРИК. Влюбилась в вас.

КОВАЛЬ. Это ясно. В ее возрасте я был влюблен во всех встречных женщин. Этим надо переболеть как скарлатиной. Или корью. Или чем там еще болят в вашем возрасте.

ОЧКАРИК. Гепатическим эгоцентризмом.

КОВАЛЬ. Потрясающе! Из какого словаря ты откопал эта умное слово? Мой тебе совет, никогда не употребляй слов, значение которых не до конца понимаешь. Выглядишь глупее, чем на самом деле. Думаешь, она не вернется?

ОЧКАРИК. Сказала — сыта по горло. Вот и ушла.

КОВАЛЬ. Разве я ее чем-нибудь обидел?

ОЧКАРИК. Сказала, что ее тошнит от ваших шуточек.

КОВАЛЬ. Ладно, можешь не повторять. Просто у нее нет чувства юмора. Не такое, как у меня, я хотел сказать. Или ты тоже считаешь, мой юмор хромает на обе ноги сразу?

ОЧКАРИК. Вроде бы нет.

КОВАЛЬ. Я не могу относиться ко всему со скотским серьезом. Так и свихнуться недолго. Будем надеяться, она это поймет. Поймет и вернется. Тем более, у нее задатки неплохой теннисистки.

На пороге подвала появилась ПРОНСКАЯ — красивая, эффектная женщина. Одета с большим вкусом. Тридцать восемь лет. Она быстро, оценивающе осматривает все вокруг, останавливает свой взгляд на Ковале, поднимает брови. КОВАЛЬ, увидев ее, сразу располагаяще улыбается.

ПРОНСКАЯ. Вы — Коваль? Я от Игоря Павловича.

КОВАЛЬ, глядя на Пронскую, хлопнул Очкарика по плечу.

КОВАЛЬ. Друг мой! На сегодня мы программу исчерпали. Завтра — как обычно. Будем надеяться, Лаура тоже осчастливит нас своими туфлями на высоком каблуке. До завтра!

ОЧКАРИК пожал плечами, взял со стула спортивную сумку и вышел из подвала. ПРОНСКАЯ проводила его долгим взглядом.

ПРОНСКАЯ. Я от Игоря Павловича. Или Петровича. Не помню точно. Всегда путаю отчество. Словом, его зовут Игорь.

КОВАЛЬ. Не имеет значения. Я все понял. Главное, вы пришли, и не ошиблись. Остальное детали. Мои условия вам известны? (*ПРОНСКАЯ кивает, продолжает осматриваться.*) Вот и прекрасно. Раздевайтесь. Прямо сейчас и начнем. Мне важно понять, на каком вы уровне.

ПРОНСКАЯ. Послушайте...

КОВАЛЬ. Предупреждаю сразу! Терпеть не могу, когда ученики много болтают. От таких обычно никакого проку. Раздевайтесь и начнем. Главное — отработать подачу. Вы левша или правша?

ПРОНСКАЯ. Я?! Понятия не имею.

КОВАЛЬ. Вилку, в какой обычно держите?

ПРОНСКАЯ. Как и все.

КОВАЛЬ. Это ни о чем не говорит. Человек может всю жизнь писать правой и до самой смерти так и не узнать, что был левшой. Если не начнет заниматься теннисом, разумеется. Вообще, должен сказать, левши — более тонкие натуры. Тонкие и нервные. Склонны к глубоким переживаниям и эмоциональным вспышкам. Более творческие натуры, так сказать. Что вы стоите? Раздевайтесь, идите сюда.

ПРОНСКАЯ. Я не о себе, я о дочери.

КОВАЛЬ. Потрясающе! Где она?

ПРОНСКАЯ. Во дворе. Сидит в машине.

КОВАЛЬ. Ясно. Дышит родным воздухом. Бензин, автол, мазут и все такое. Тащите ее сюда. Сколько ей?

ПРОНСКАЯ. Девятнадцать. Только я тоже должна предупредить. Понимаете, она не такая, как все. Очень замкнута, рассеянна. Вообще, часто (*с ударением*)... задумывается. Идет по улице, вдруг остановится и стоит.

КОВАЛЬ. Наверняка, левша.

ПРОНСКАЯ. Она не такая, как все.

КОВАЛЬ. В девятнадцать лет все не как все. Она сама изъявила желание заниматься?

ПРОНСКАЯ. Разумеется, нет. Ей не столько нужен ваш теннис, сколько общение со сверстниками. Пони-

маете? Подберите ей какого-нибудь парня, поинтереснее. Насколько я понимаю, в теннис играют вдвоем?

КОВАЛЬ. У меня не брачная контора. У меня теннисная секция.

ПРОНСКАЯ. Слушайте! Давайте без ханжества и лишней болтовни. Мне рекомендовали вас как дельного человека, соображающего, что к чему. Я плачу деньги, вы обучаете мою Светлану вашему теннису. Если вдобавок ко всему вам удастся ее, как следует встряхнуть, я буду благодарна по гроб жизни. Что тут сложного!

КОВАЛЬ. Потрясающе! Если у нее ваш темперамент.

ПРОНСКАЯ. Какое там! Она рохля! Я же говорю. (С ударением.) Она... задумывается. Понимаете? В самые неподходящие моменты.

КОВАЛЬ. Я тоже иногда задумываюсь. Из этого вовсе не следует, что меня нужно как-то встряхивать или срочно знакомить с подругой.

ПРОНСКАЯ. Вы ярый противник подруг? Вот бы не подумала.

КОВАЛЬ. Я этого не говорил. Скорее наоборот. Просто к слову пришлось. Но дело не в этом. Вы не пытались выяснить, о чем, собственно, она задумывается?

ПРОНСКАЯ. В ее возрасте у меня на руках уже была она, годовалая. Я думала о том, как выжить. О чем думают они... (Пожала плечами.)

КОВАЛЬ. Никогда не скажешь, что у вас такая взрослая дочь.

ПРОНСКАЯ. Боже! Какой тонкий комплимент.

КОВАЛЬ. Чепуха! Никогда не занимался подобной дребеденью — комплименты, цветы, записочки. Это не для меня. Я всегда был сторонником честных, открытых и равных отношений. Наверное, поэтому и жена от меня ушла.

ПРОНСКАЯ. Нетрудно заметить. Значит, мы договорились?

КОВАЛЬ. Про что?

ПРОНСКАЯ. Про мою Светку, про что еще! Она у меня — прелесть. Сами увидите. Только какая-то... не от мира сего.

КОВАЛЬ. Интересно, считают ли они нас такой же «прелестью», как мы их?

ПРОНСКАЯ. Простите!

КОВАЛЬ. Да нет. Это так. К делу не относится.

ПРОНСКАЯ. Я иной раз подумаю, может, оставить ее в покое? Не всем же быть пронырами и оторвами.

КОВАЛЬ. В наш деловой рациональный век...

ПРОНСКАЯ. У нее еще беда, не умеет скрывать своих эмоций. Своих симпатий, антипатий. Говорит что думает. Меня в школу чуть не каждый день вызывали.

КОВАЛЬ. Акселерация. Инфантилизм плюс категоричность. Ничего! Движение, движение. Даю слово, через неделю вы ее не узнаете. Теннис, знаете, прививает сразу несколько полезных качеств. Одно из них — умение постоять за себя.

ПРОНСКАЯ. Как раз этого она лишена начисто. У меня все квартира провоняла бродячими собаками, подобранными кошками, птицами, черт знает что! Не успеваю выгонять. За них она стоит насмерть. Вы уж с ней

поосторожней, не очень давите. Вы, я вижу, сторонник жестких мер.

КОВАЛЬ. Не без этого.

ПРОНСКАЯ. Вот мой телефон. Звоните в любое время. Я хочу быть в курсе всех ее подвигов.

КОВАЛЬ. В любое время? А муж, он...

ПРОНСКАЯ. Живет в другом районе. Кроме того, мы уже десять лет в разводе.

КОВАЛЬ. И вы — тоже! Потрясающе! Эпидемия какая-то! Все как с цепи сорвались. Скоро в мире не останется ни одной замужней женщины. Институт брака трещит по всем швам. Новые моды, новые ритмы, черт бы их побрал. Вам не кажется, мы — желая достать яблоко — рубим под корень яблоню? Не помню, кто это сказал. Кто-то из великих.

ПРОНСКАЯ. Вы такой ярый сторонник семейных оков?

КОВАЛЬ. Отнюдь. Я действительно сторонник. Нахожусь в стороне от всех этих гонок по кругу. Я свою партию давно проиграл.

ПРОНСКАЯ. У одной моей подруги с вами много общего. Познакомить?

КОВАЛЬ. В самом деле?

ПРОНСКАЯ, улыбаясь, кивает. Повернулась к выходу.

Я позвоню. Мы детально обсудим этот вопрос. Со всех сторон.

ПРОНСКАЯ. Буду ждать. Моя Светка вам сейчас нужна или...

КОВАЛЬ. Как она сама захочет.

ПРОНСКАЯ (*остановилась на ступеньках лестницы*). В том-то и дело, она сама ничего не хочет. Понимаете? Ни-че-го! Не окликнешь, будет целый день сидеть на тахте и смотреть в одну точку. Куда я ее только не пихала! В балетную школу, в фигурное катание, даже на ипподром водила. Думала, она с лошадьми найдет общий язык. Ваша секция — последняя надежда. Говорят, вы работаете по какой-то особой методе? Все, у кого я наводила справки, — в восторге!

КОВАЛЬ. Никакого секрета. Главное — ритм, ритм, движение! Давайте ее сюда! Мигом выведем из неподвижности.

ПРОНСКАЯ. Надеюсь. Пока! Жду звонка.

ПРОНСКАЯ помахала Ковалю рукой и вышла из подвала. КОВАЛЬ смотрит ей вслед, улыбается, покачивает головой.

КОВАЛЬ. Потрясающе! «Зеленый»! Явный «зеленый»!

КОВАЛЬ сильно мотнул головой, быстро вошел в каморку. ГЛУХОВ спит на тахте, едва слышно похрапывает. КОВАЛЬ потряс его за плечо, но ГЛУХОВ отвернулся к стене. КОВАЛЬ достал из тумбочки телефон, вертит диск. На пороге подвала появилась СВЕТА — полноватая, с румянцем во всю щеку девушка. Глаза ее широко раскрыты. Она, спрятав руки за спину, медленно спускается по ступенькам, с интересом, внимательно осматривается вокруг.

КОВАЛЬ (в трубку.) Алло! ГАИ? Будьте так добры, Киселёва позовите, пожалуйста. Да, извините. Простите, а когда? Да, да. Извините. Большое спасибо. Можно еще раз позвонить! Да. Спасибо, спасибо.

КОВАЛЬ спрятал телефон в тумбочку, хлебнул из бутылки пива, пригладил волосы, решительно вышел из каморки. Увидел Свету, остановился в нерешительности. Несколько секунд они смотрят друг на друга. КОВАЛЬ оценивающе. СВЕТА чуть смутившись, испуганно.

СВЕТА. Здравствуйте! Вот, пожалуйста, деньги. (Положила на стол бумажку, отступила на шаг.)

КОВАЛЬ. Что деньги! Деньги — только пыль на дороге, по которой мы бредем неведомо куда. Не помню, кто это сказал, но сказал точно. Только ради денег не стоит и жить. (КОВАЛЬ взял со стола три рубля, сунул в карман.) Всех денег все равно не заработаешь. Верно, я говорю?

СВЕТА. Не знаю.

КОВАЛЬ. В смысле?

СВЕТА. Вы сказали, ради денег. Я не знаю, ради чего стоит.

КОВАЛЬ. Потрясающе! Бог ты мой, Света! Откуда столько пессимизма! В вашем возрасте! Жить стоит хотя бы ради того, чтоб дышать, ходить, видеть, ощущать себя человеком! Вы не согласны?

СВЕТА. Не знаю.

КОВАЛЬ. Ладно! В сторону высокие материи! Итак! Начнем?

СВЕТА. У меня ничего не получится.

КОВАЛЬ. Вы уже пробовали?

СВЕТА. Нет.

КОВАЛЬ. Тогда откуда такая уверенность?

СВЕТА. Не знаю, у меня никогда ничего не получается.

КОВАЛЬ. Потрясающе! Опять полный мрак и безысходность! «Ничего» страшное слово. А «никогда» — и того хуже. Давайте договоримся сразу: упаднические настроения вы оставляете за порогом, вместе с этими изящными босоножками. На следующее занятие принесите тапочки. Обычные спортивные тапочки. Полукеды. Попросите маму, она достанет.

СВЕТА. У меня есть.

КОВАЛЬ. Тем более. Значит, одной проблемой меньше. Вы всегда такая серьезная?

СВЕТА. Нет.

КОВАЛЬ. Ничего, что я вас зову просто — Света? Меня зовут Юрий Андреевич. Можете называть просто Юрой. Или Андреечем. Как вам больше нравится.

СВЕТА. Лучше просто по имени-отчеству. Юрий Андреевич.

КОВАЛЬ. Ладно. Раз так, то так. Главное — отработать неотразимую подачу! Держите ракетку! К столу!

СВЕТА взяла ракетку, подошла к столу.

Так и знал! Вы левша! Это очень хорошо. Но сейчас переложите

ракетку в правую. И встаньте ближе к столу.

СВЕТА послушно переложила ракетку, встала ближе.

Значит, вы сами никогда не играли?

СВЕТА. Нет.

КОВАЛЬ. Ну, хоть одним глазом видели, как играют другие?

СВЕТА. Видела. Один раз. Но ничего не поняла.

КОВАЛЬ. Простите. Не понял, чего не поняли вы?

СВЕТА. Не знаю, они перебрасывались шариком так резко, зло. Какой в этом смысл?

КОВАЛЬ. Потрясающе! Как какой смысл! Это игра! Азарт, вдохновение! Сейчас я вам растолкую. Значит, так. Каждый подает пять раз кряду. Его задача так подать, чтоб соперник не смог принять подачу. А задача соперника — наоборот — отразить. И в свою очередь попытаться нанести ответный неотразимый удар, чтоб тот не смог принять. Выигрывает тот, кто первым наберет двадцать одно очко. Понятно?

СВЕТА. Не до конца.

КОВАЛЬ. Спрашивайте! Лучше выяснить все неясности сейчас.

СВЕТА. Вы сказали задача одного заставить ошибиться другого?

КОВАЛЬ. Естественно! Абсолютно!

СВЕТА. Значит, играющие — соперники, враги?

КОВАЛЬ. В некотором смысле — да. Разумеется.

СВЕТА. А если наоборот?

КОВАЛЬ. То есть?

СВЕТА. Если каждый будет стремиться помочь другому, играть так, чтобы другому было легче, а не сложнее. И тот тоже будет так поступать. Тогда они будут не врагами, а союзниками друзьями, не знаю.

КОВАЛЬ. Простите, не понял! Это как? В поддавки, что ли?! Как в шашки?! Потрясающе!

СВЕТА. Нет, поддавки в шашки я знаю, это не то. Там кто кого обманет, кто хитрее, тот и победит. А если кто благороднее, честнее разве так нельзя играть?

КОВАЛЬ взъерошил волосы, прошелся вдоль стола.

КОВАЛЬ. Потрясающе! Честно говоря, я никогда еще с такого ракурса не смотрел на это дело.

СВЕТА. Разве так нельзя?

КОВАЛЬ. Можно, наверное. Если все наоборот — тогда. Как это вам пришло в голову такое?

СВЕТА. Не знаю. Вот говорят, «искусство сближает народы». Или «спорт объединяет людей». Как же люди будут сближаться, если у одного задача — унижить другого?! Я не знаю.

КОВАЛЬ. Унизить?! Потрясающе!

СВЕТА. Не знаю. Проигрывать, наверное, очень обидно.

КОВАЛЬ прошелся взад-вперед по подвалу, усмехаясь, поглядывает на Свету, помахивает ракеткой.

КОВАЛЬ. Потрясающе! Как-то вы все наизнанку вывернули. По сути, конечно, вы правы, только. Погоди! Один момент! Но в вашем случае все равно тоже будет проигравший, верно?

СВЕТА. Проиграет тот, кто был недостаточно благороден.

КОВАЛЬ. Ну, знаете! Признать, что ты был недостаточно благороден сахар. Лучше признать, что ты недостаточно ловок.

СВЕТА. Не знаю. Как для кого. По-моему, лучше несовершенный ангел, чем образцово-показательный черт.

КОВАЛЬ. Образцово-показательный черт! Потрясающе! Значит, вы что, предлагаете играть на принципиально других условиях?

СВЕТА. Разве нельзя?

КОВАЛЬ долго и задумчиво смотрел на Свету. Потом присел на край стола. Чему-то усмехаясь, покачивает головой.

КОВАЛЬ. Знаешь, Света. Вы мне напомнили самого себя, в детстве. Маленьким я был... Фотограф мне говорил, смотри сюда, сейчас вылетит птичка — и я ждал. На море мне говорили, там живет золотая рыбка — и я ждал, что она явится и спросит мое самое заветное желание. А самым моим заветным желанием было — чтоб все друг с другом дружили, делились игрушками, делали подарки, радовали, чем могли. Тогда я был готов протянуть каждому встречному в своих маленьких руках все свои игрушки. И я протягивал. И они брали. Охотно

брали. Потом я вырос. Жизнь на другом замешана. Света! Не на состязании в благородстве и порядочности. На другом. Увы, но это так. Хотелось бы, конечно, но эта игра, (*хлопнул ладонью по столу*)... самая невинная модель человеческих отношений.

СВЕТА внимательно слушает, отрицательно мотает головой.

СВЕТА. Нет, нет, нет.

КОВАЛЬ. Да, Света, да. Ты играешь, значит, живешь. Выбываешь из игры, следовательно, не живешь. Я играю. Пока. И пока выигрываю. Хотя бы у самого себя.

СВЕТА. Не знаю, такая игра не может принести настоящей радости. Ни вам, ни кому другому. Разве нельзя всем вместе договориться и играть на других условиях?

КОВАЛЬ. На ваших, хотите сказать?

СВЕТА. Да. Возможно, я не все хорошо продумала, но...

КОВАТЬ. Мало кто согласится. Людей хлебом не корми, только дай обскакать другого. Хоть в игре, хоть в чем.

СВЕТА. А вам, неужели не хочется?

КОВАЛЬ. Допустим, хочется. Иногда. Только с кем?

СВЕТА. Со мной.

КОВАЛЬ. Вы это серьезно?!

СВЕТА. Конечно. Давайте попробуем по-моему. Не получится, будем играть по-вашему.

КОВАЛЬ. Потрясающе! Кто кого в таком случае будет учить? И деньги. Тогда я вам должен платить.

СВЕТА. Вы сами сказали, только ради денег не стоит жить.

КОВАЛЬ. В самом деле. Потрясающе! Если попробовать...

СВЕТА. Разве нельзя?

КОВАЛЬ. К черту! К столу!!!

КОВАЛЬ взял в руки ракетку, помахал ею перед собой.

Черт! Значит, все наоборот! Хорошо! Попробуем! Потрясающе! Волнуюсь, как школьница перед экзаменом. Начали!!!

КОВАЛЬ осторожно, даже как-то с трепетом делает высокую подачу. СВЕТА принимает, отвечает ему тем же. Шарик высоко и плавно скачет по столу направо — налево, направо — налево, направо — налево...

Ощущение, будто КОВАЛЬ и СВЕТА не играют, а танцуют какой-то полный таинства и изящности танец. Из динамиков доносится чуть грустная мелодия. Осторожно приоткрылась дверь, на ступеньках появился ОЧКАРИК. Остановился как вкопанный, недоуменно смотрит на Ковалю и Свету. Почти одновременно с противоположной стороны открылась дверь каморки, выглянул ГЛУХОВ. Он тоже удивленно смотрит на играющих. Девочки на втором плане прекратили игру, перешептываясь, наблюдают за Ковалем и Светой. Музыка из динамиков звучит все громче и громче. КОВАЛЬ и СВЕТА, увлеченные «игрой», ничего

не видят вокруг. Они оба весело смеются, порхают вокруг стола, их грациозные движения напоминают какой-то старинный, давно забытый танец. Затемнение.

Прошло несколько дней. По подвалу взад вперед прогуливается ЛАРИСКА. Она в новом платье и туфлях на высоком каблуке. В руках держит цветок, нюхает его. Распахнулась дверь, в подвал влетел ОЧКАРИК в синем тренировочном костюме. Он, шатаясь, подошел к дивану, сел, откинулся на спину. Закрыв глаза, часто, прерывисто дышит.

ЛАРИСКА. Привет! Все бегаешь? Давай, давай, тренируйся. От себя не убежишь.

ОЧКАРИК. Тридцать семь...

ЛАРИСКА. Температура?

ОЧКАРИК. Время, дура!.. Неделю назад я от дома за сорок минут пробежал. Сегодня, уже тридцать семь. Окно открой!

ЛАРИСКА подошла к окну, распахнула его. Взяла со стула полотенце, присела на диван, машет перед его лицом.

ЛАРИСКА. Угровишь ты себя этими идиотскими кроссами.

ОЧКАРИК. Собаки...

ЛАРИСКА. Кто?

ОЧКАРИК. Собаки мешают... Гоняются, за ноги стараются кусануть... Так и ждут когда я мимо пробежать буду...

ЛАРИСКА. Дурак! Не примут тебя. Зря только время тратишь. У тебя сколько минусов?

ОЧКАРИК. Я эту таблицу, по которой зрение проверяют, наизусть вызубрил. С закрытыми глазами могу. В любом направлении.

ЛАРИСКА. Раскусят рано или поздно. Еще хуже будет. Пустой номер. Ничего у тебя не выгорит. *(ЛАРИСКА встала с дивана, прошла по подвалу, поглядывает на Очкарика, демонстративно нюхает цветок.)* Сидите тут в духоте, как кроты. А я за город ездила. За незабудками. Если нюхать незабудку, можно что хочешь навсегда забыть.

ОЧКАРИК. Между прочим, незабудки занесены в Красную книгу. Их не так много осталось.

ЛАРИСКА. Таких, как ты, — еще меньше. Тебя тоже нужно занести в Красную книгу. Ты — лопух! *(Очкарик шумно выдохнул, сел на диване.)*

ОЧКАРИК. А ты чего заявила? Решила вернуться?

ЛАРИСКА. Еще чего! Так зашла по старой памяти. Я теперь в бассейн хочу. Синхронным плаванием занимаюсь.

ОЧКАРИК. Я тоже отсюда скоро смоюсь. Он, оказывается, шарлатан. *(ЛАРИСКА остановилась, резко повернулась к Очкарику.)* Тут новенькая появилась одна. Так себе ничего, круглая такая. С ней никто в паре играть не хочет. Так он, Коваль, сам начал.

ЛАРИСКА. И что?

ОЧКАРИК. А то, что он действительно сам-то играть не умеет. Понимаешь? Я как-то случайно обратно вернулся, смотрю, они с этой новенькой, как вареные, еле еле перекидываются. Ни подач, ни ударов. Он ничего не может, понимаешь? Он только трепаться может. Ни подрезать, ни закрутить.

ЛАРИСКА. Врешь!

ОЧКАРИК. Своими глазами видел. Выходит, все это время он нам голову морочил! Учил, покрикивал, деньги собирал, а сам ничего не умеет. Совсем ничего!

ЛАРИСКА. Я знала, я предчувствовала!

ОЧКАРИК. Все ученики от него разбегаются. Из нашей группы всего человек пять осталось.

ЛАРИСКА. А эта новенькая, она что?

ОЧКАРИК. Внешне?

ЛАРИСКА. Ну да. Ничего или так себе?

ОЧКАРИК. На три с минусом. Какая-то чокнутая. Смотрит, будто насквозь тебя. В общем, я тоже скоро сматываю удочки.

На пороге появилась СВЕТА. Увидел Очкарика и Лариску, она в нерешительности остановилась на ступеньках. ЛАРИСКА сразу вся подобралась, сверлит Свету взглядом.

СВЕТА. Здравствуйте!

ЛАРИСКА. Ты, что ли, та самая новенькая? Ну и вкус у нашего шефа! Мог бы выбрать что-нибудь выразительнее.

ОЧКАРИК. Ему что, лишь бы деньги платила.

ЛАРИСКА. Раньше он был разборчивей. Налицо явная деградация. Слушай, почему ты такая толстая?

ОЧКАРИК. Сладкое, небось, любит. Жить без него не может.

ЛАРИСКА. А теннис тебе для какой надобности?

ОЧКАРИК. Жиры согнать, зачем еще.

СВЕТА молчит, лицо ее непроницаемо.

ЛАРИСКА. Чего молчишь? Может, ты вдобавок еще и немая?

СВЕТА. Нет, я не немая.

ЛАРИСКА. Тогда скажи чего-нибудь. Чего-нибудь интеллектуальное. Остроумное. Потряси нас эрудицией. Ты ведь наверняка прорву книг прочла. По глазам вижу.

СВЕТА. Простите, вы не знаете, где Юрий Андреевич?

ЛАРИСКА. Деньги делает, девочка, деньги. Деньги — его страсть. Он их коллекционирует. Трешка к трешке. «Жигули», семья, дети — все требуют денег. Вот и вертится. Всех ублажить и себя не обидеть, сама понимаешь, не просто. Жизнь такая. Все бегут, все торопятся. А он — впереди всех.

СВЕТА несколько секунд внимательно смотрит ей в глаза.

СВЕТА. У вас очень сильно болит голова?

ЛАРИСКА. С чего это ты взяла?

СВЕТА. Мне так показалось. Извините.

СВЕТА повернулась и вышла из подвала. ЛАРИСКА удивленно смотрит ей вслед. Потом поворачивается к Очкарику.

ЛАРИСКА. Слушай, Очкарь! Она действительно чокнутая.

ОЧКАРИК. Много о себе понимает. Такая же, как все.

ЛАРИСКА. Не-ет она действительно, будто насквозь смотрит. Откуда она узнала, что у меня болит голова?

ОЧКАРИК. Просто так лягнула.

ЛАРИСКА. Может, она мысли читать умеет?

ОЧКАРИК. У тебя что, болит голова?

ЛАРИСКА. Еще как! Но откуда она-то узнала?

ОЧКАРИК и ЛАРИСКА удивленно смотрят друг на друга. Распахнулась дверь, в подвал решительно вошел КОВАЛЬ. В обеих руках сумки, доверху набитые продуктами.

КОВАЛЬ. Я вас приветствую, друзья мои! Почему стоим? Почему в меланхолии? Двигаться, друзья мои, двигаться! Движение — жизнь, остановка, сами понимаете, смерть. Не помню, кто это сказал. Кто-то из великих. Во всяком случае, не я. Почему ты опять не в форме, Лаура? Где тапочки? Где брюки?

ОЧКАРИК. Она решила больше не заниматься.

КОВАЛЬ. Вот как!

ОЧКАРИК. Зашла по старой памяти.

КОВАЛЬ. Почему, позволь узнать?

ОЧКАРИК. Не хочет.

КОВАЛЬ. Но ведь должна быть какая-то причина, верно?

ОЧКАРИК. Нашла кое-что поинтереснее. Синхронное плавание.

КОВАЛЬ. Ты кто, ее секретарь или душеприказчик? Мне кажется, она сама в состоянии объяснить, что произошло. Верно, Лаура?

ЛАРИСКА. Ничего не произошло.

КОВАЛЬ. Так-таки ничего! Что-то не очень верится, друзья мои. Может, вас не устраивает моя система? Если я вас слишком загонял своими ритмами, можем устроить небольшую передышку, сбавить темп.

ЛАРИСКА прошла по подвалу, остановилась у окна.

ЛАРИСКА. Юрий Андреевич! Вы, правда, были мастером спорта?

КОВАЛЬ. Кандидатом, дорогая Лаура. Всего лишь кандидатом.

ЛАРИСКА. Покажите, пожалуйста, книжечку. Никогда не видела.

КОВАЛЬ. Вон оно, в чем дело! Потрясающе! Под сомнением поставлен мой, так сказать, профессиональный статус. Так понимать?

ЛАРИСКА. Просто мы с Очкариком поспорили тут...

КОВАЛЬ. Понимаю, понимаю. Если ты, дорогая Лаура, думаешь, что я дорожу своим так называемым престижем, ты глубоко ошибаешься! Спорт никогда не был для меня чем-то основным. Спорт вообще не может быть профессией. Заруби это на своем курносом

носике. Для меня теннис — как для тебя туфли на высоком каблуке, не больше. Придет время, ты поймешь, главное — иметь красивые ноги, туфли приложатся. А насчет книжечки! Когда вам обоим исполнится по восемнадцать, я приглашу вас к себе, покажу все свои дипломы, кубки, медали, значки и прочую дребедень. Мы чудесно поведем время. Если, разумеется, к тому времени Лаура не выскочит замуж и не родит тройню. Договорились?

ЛАРИСКА. Вы... вы — пошляк!!!

КОВАЛЬ. Не надо столько гнева сразу, дорогая Лаура! Тебе это не идет. А когда ты раздуваешь ноздри, вообще становишься похожей на молодую кобылку. Тебе это не идет. Насчет пошлости, согласишься, больному спрашивать у хирурга — диплом, пассажиру у таксиста — права, так же пошло, как если бы я спросил... *(Неожиданно схватился руками за голову.)* Черт! Голова разболелась от твоих глупостей! Так вот, дорогая Лаура! Если б не головная боль, которая по непонятным причинам преследует меня в последнее время, я бы растолковал тебе кое-что насчет пошлости. Но голова подводит. Ты извини, пожалуйста.

ЛАРИСКА. Мы больше не будем у вас заниматься.

ОЧКАРИК. Говори только о себе. Я остаюсь. Пока.

ЛАРИСКА. Струсил? Без него, ты говорил совсем другое.

КОВАЛЬ вышел на середину подвала, резко хлопнул в ладоши.

КОВАЛЬ. Все ясно! Тихо! Бунт на корабле? Прошу учесть, мои юные друзья, я никогда никого не уговариваю. Это не в моих правшах. Вас не устраивает мой метод? Мой юмор недостаточно тонок для ваших не всегда мытых ушей? Мои остроты коробят ваши неустойчивые души, подрывают ваши хилые моральные устои? У вас ощущение, что за ваши деньги, вернее деньги ваших родителей, вы получаете второсортный товар? Если все это так — я не держу! Дверь моей секции всегда открыта не только для входа, но и для выхода! Прошу!!!

КОВАЛЬ шагнул на ступеньки, распахнул дверь. За ней стоит ЖЕНА — худая высокая женщина. Она одного возраста с Ковалем, но выглядит значительно старше. Уголки ее губ постоянно опущены вниз, отчего ее довольно красивое лицо приобретает злое, презрительное выражение. КОВАТЬ несколько секунд удивленно смотрит на нее. ЖЕНА усмехнулась.

ЖЕНА. Ты так предупредителен. Если гора не идет к Магомету... Я конечно, не вовремя?

КОВАЛЬ. Само собой. Ты видишь, я занят. Что стряслось? Твоя мамаша угодила под трамвай? Или корова-сестрица наконец-то решила явиться с повинной в ОБХСС?

ЖЕНА. Не волнуйся и не нервничай. С моими родственниками все в порядке. Войти можно? Или будем переговариваться через порог? *(ЖЕНА спустилась по ступенькам в подвал, осмотрелась. Повернулась к Ковалю. КОВАЛЬ стоит на ступеньках.)* При свидетелях будем беседовать?

КОВАЛЬ, молча, спустился со ступенек, подошел к камерке, распахнул дверь, пропустил вперед Жену, обернулся.

КОВАЛЬ. Я сказал самое главное. Решайте сами — что и как! *(Резко захлопнул дверь, повернулся к Жене.)* Говори быстрее, у меня дико болит голова. Зачем пришла?

ЖЕНА. Я подала на тебя в суд.

КОВАЛЬ. Наконец-то! Пять лет ждал, когда ты решишься на тот отчаянный и исключительно благородный шаг. Могу даже угадать, чьей рукой написано заявление. Надеюсь, твоя мамаша наделана не слишком много грамматических ошибок? Она всегда была не в ладах с русским.

ЖЕНА. Уверен, что писала она?

КОВАЛЬ. Нелепый вопрос. Или она, или твоя королева-сестрица. Природная эмоциональная тупость обеих, плюс потное отсутствие духовных интересов должны находить в чем-то свой выход. Для таких суд — нечто вроде праздника, выхода в большой свет! «Первый бал Наташи Ростовской». На людей посмотреть, себя показать.

ЖЕНА. Если б я так говорила о твоей матери!

КОВАЛЬ. Моя мама самое безобидное существо на свете! И ты это знаешь. Не хуже моего. И давай обойдемся без взаимных издевок и шпилек. Хотя бы во имя того хорошего, что было между нами. Давай не будем уподобляться нашим общим знакомым, которые не только сойтись по-человечески, но и разойтись-то не

могут без того, чтобы все не искромсать, истоптать. Давай не будем!

ЖЕНА. Естественно! Все вокруг — подонки, проходимцы, один ты...

КОВАЛЬ. Слушай, оставь! Очень прошу! Хотя бы во имя того, что между нами было!

ЖЕНА. Во имя того, что было? А что было? Что хорошего было? Вечное безденежье, вечное ожидание какого-то чуда? Что хорошего было?

КОВАЛЬ взволнованно мечется по камерке взад-вперед. ЛАРИСКА и ОЧКАРИК, оглядываясь на дверь, тихо уходят. Только девочки на втором плане продолжают играть.

КОВАЛЬ. Было! Было!! Было!!! И не делай вид, будто ничего не помнишь! Мы с тобой были созданы друг для друга. Нам все завидовали, но мы были слишком глупы и неопытны. К каждому шли с улыбками и распахнутыми душами. А все окружающие — из зависти, — потому что такое бывает раз в сто лет, начали плевать нам в души, настраивать против друг друга, стравливать. А мы были неопытны и слишком доверчивы. Верили, что все, что делают наши якобы друзья, все советы, даются для нашего блага. Мы спохватились, да поздно. Они успели набить нас обоих такой ненавистью друг к другу, что исправлять что-либо было уже поздно. Мы научились хапать, хапать Я бросил любимую работу, потому что она давала всего сто пятьдесят! Я был не гений, заурядный инженер, но я любил свою работу. Не

моя была вина, что мне платили так мало. А что теперь? Они могут быть довольны! Я стал — таким, как они!!!

ЖЕНА. Они! Они!! Они!!! Тебя послушать, в твоём эгоизме и распущенности виноват кто угодно, только не ты сам. Кто они?

КОВАЛЬ. Потрясающе! Да — они!!! Твои и мои бывшие друзья-приятели, твои мамаша и сестрица — все они были против нас. Они и теперь не успокоились. Меня им не достать, так они решили тебя добить.

ЖЕНА. Добить?! Меня?! Ты бредишь, дорогой мой!

КОВАЛЬ. В данную секунду я умнее и прозорливее, чем когда бы то ни было. Неужели ты до сих пор не поняла: подав на меня в суд, ты в первую очередь унижаешь саму себя. Ты топчешь в себе остатки гордости. А ведь ты была гордой. Я гордился, что у меня такая гордая жена. А теперь ты будешь в унижительной роли просительницы. И все твои мнимые друзья, подруги и родственники будут с радостью передавать друг другу каждый твой шаг, каждое твоё слово, каждый телефонный разговор. Я будто вижу перед собой их довольные рожи! Они добились своего! Стравили, развели двоих созданных самой природой друг для друга людей, и теперь эти скоты жаждут кровавой развязки — суда! Суда!!! Со слезами, скандалами, взаимными упреками и обвинениями! Боже, как все это пошло! Пошло, пошло и старо! Потрясающе! (*КОВАЛЬ стиснул голову, опустился на стул.*)

ЖЕНА. Действительно «потрясающе»! Откуда в тебе столько злости!

КОВАЛЬ. Просто у меня болит голова. Кроме того, с некоторых пор я могу позволить себе роскошь не иметь

иллюзий насчет друзей-приятелей и твоих родственников.

ЖЕНА. Ты один, бедняжка, кругом — враги.

КОВАЛЬ. Когда-нибудь поймешь, ты тоже одна.

ЖЕНА. У меня есть дочь. У тебя, между прочим, тоже.

КОВАЛЬ. Придет время, она отвернется от тебя. Выйдет замуж за какого-нибудь оболтуса из моих учеников и отвернется.

ЖЕНА. Ты говоришь так, потому что не любишь собственную дочь. *(КОВАЛЬ поднял голову, посмотрел на Жену, усмехнулся.)*

КОВАЛЬ. Да, не люблю. Не испытываю всех тех чувств, которые должен испытывать каждый примерный папаша! Что мне делать! Врать, притворяться, изображать заботливого родителя в угоду все тем же друзьям, приятелям, твоей мамаше с сестрицей?! Не могу, не умею, не хочу! Считаю честнее сказать об этом прямо. Я никого не люблю. Хотя я и законченный эгоист, как ты считаешь, но я и самого себя-то не люблю. Я сам себе противен. И все, чем я занимаюсь, — мне противно вдвойне! И эта фальшивая секция, и вся эта бесконечная суета, суета, гонка куда-то зачем-то все мне опостылела. И скоро я все это брошу! Разом! Где-то на самом доньшке у меня еще сохранилась капля достоинства. Я еще соберусь с силами...

ЖЕНА. И что?

КОВАЛЬ. Уеду! Оседлаю свои поношенные «Жигули», только вы меня и видели. Где-то и для меня должен быть хоть маленький кусок жизненного пространства. Какой-нибудь маленький городок или поселок в

Прибалтике, где меня никто не знает. Почему-то меня с самого детства тянет именно в Прибалтику. Гены, что ли? Моя бабка по отцовской линии была эстонкой. Я ее только на фото и видел. Туда и двину. Перемена — главный ключ к успеху! Впрочем, зачем я все это говорю именно тебе? По привычке, но иначе. Привык делиться самым сокровенным с близким человеком. Хочешь, возьму с собой? А что, в самом деле! Давай наплюем на всех и махнем в Прибалтику, а? Здесь жизнь не получилась, плевать! Попробуем еще разок! Мы не до такой степени старые, чтоб хоронить себя. Я не шучу! Возьмем Наташку и махнем. С твоей профессией устроиться нигде не проблема

ЖЕНА. А ты откроешь секцию наподобие этой?

КОВАЛЬ сморщился, как от удара. Долго молчит.

КОВАЛЬ. Не веришь?

ЖЕНА. Естественно. Ни одному слову. Десять лет назад я верила всему, что ты говорил и собирался делать. Только ты сам-то ни во что не верил. Ты самый заурядный болтун! Пустобрех! А-а ладно. Словом, я пода-ла на тебя в суд. Зашла сказать...

КОВАЛЬ. Деньги? Хотя о чем я! Конечно, деньги.

ЖЕНА. Да, мой милый, деньги. Те самые, которые ты презираешь всеми фибрами своей высокой души.

КОВАЛЬ. Я посылаю ежемесячно, сколько мы договорились. Что, мало?

ЖЕНА. Мало. Наташка, знаешь ли, растет. Цены — тоже.

КОВАЛЬ. Потрясающе! Сколько ты хочешь?

ЖЕНА. Вдвое больше по крайней мере. Это хотя бы будет похоже на справедливость.

КОВАЛЬ. У тебя ощущение, будто я деньги лопатой гребу, а между тем мне приходится...

ЖЕНА. О твоих доходах я знаю с точностью до десяти. Дети двоих моих подруг занимаются в твоей так называемой секции. Я знаю все.

КОВАЛЬ. Следишь? Подсчитываешь? Это подло!

ЖЕНА. Давай поговорим о благородстве. Я не спешу.

КОВАЛЬ резко поднялся со стула, держась за голову, нервно ходит взад-вперед по каморке.

КОВАЛЬ. Чего ты хочешь от меня? Чего вы все от меня хотите?

ЖЕНА. Совсем немного. Чтоб ты вернулся в семью.

КОВАЛЬ. Вот как?! Потрясающе!!!

ЖЕНА. У Наташки должен быть нормальный отец. Ведь она тебя любит. Да и мне порядком надоели косяе взгляды и намеки соседок, сослуживцев. Если не можешь быть как все, не можешь бросить этот подвал, сделай, хотя бы видимость, что у нас нормальная семья. А то просто обидно. Все живут нормально, одна я — не понятно кто. Жена не жена, разведенная не разведенная. На работе путевки за границу распределяют, я даже заявление написать боюсь — откажут. Разберитесь сначала, что у вас с мужем, скажут.

КОВАЛЬ. Вон где собака зарыта! Потрясающе! Потрясающе!!!

ЖЕНА. Словом, давай или сойдемся или сделаем хотя бы на некоторое время вид, создадим видимость, что у нас все в порядке. Или — суд! Развод! Мне надоело сидеть меж двух стульев.

КОВАЛЬ. Одним залпом — двух зайцев, стало быть! Потрясающе! Можешь подавать на меня в суд! Уходи! Насчет денег — гоже. Больше, чем ты выжимаешь из меня сейчас, все равно не получишь. Никакой суд тебе больше не присудит. Уходи! У меня слишком болит голова, я могу моту наговорить много лишнего!

ЖЕНА. Не сомневаюсь. *(Подошла к двери, взялась за ручку, обернулась.)* На твоем месте я бы поинтересовалась — как дочь. Хотя бы ради приличия.

КОВАЛЬ. Плевать мне на ваши приличия! На все ваши понятия! Вы мне всю жизнь поломали! Я никогда не вернусь, запомни!

ЖЕНА. Я подала заявление вчера. У тебя есть еще неделя на размышления. Если передумаешь — звони. Кстати, еще одно. С тех пор как ты ушел из дома, у меня никогда никого не было. Ни одного мужчины. Это я просто так. Чтоб ты знал. Информация на память.

КОВАЛЬ. Уходи! Я очень тебя прошу! Уходи! Уходи!!!

ЖЕНА распахнула дверь, стремительно прошла по подвалу, поднялась по ступенькам и вышла на улицу. Девочки на втором плане прекратили игру, смотрят, что будет дальше. КОВАЛЬ несколько секунд стоял неподвижно в каморке, потом вышел из двери, повернулся к девочкам.

КОВАЛЬ. Куда все разбежались? *(Девочки недоуменно, испуганно пожимают плечами.)* А вы — чего стоите? Работать! Работать!! Работать!!! Двигаться, двигаться! Подача — удар! Подача — удар! Двигаться!

Девочки, как заведенные, заиграли с утроенной энергией. КОВАЛЬ несколько секунд строго наблюдал за ними, потом вошел в каморку, достал телефон, вертит диск.

(В трубку.) Техникум? Будьте добры, позовите Карину из учебной части. Да, да. Спасибо. Жду. Кариночка? Опять полный завал. Последний раз, честное слово. Сегодня никак не могу, хоть тресни. Да плевать мне на него, он сам бездельник каких мало. Бумажки только умеет переключать. Скажи моим пай девочкам, что, мол, черт ее знает! Скажи что-нибудь, придумай сама, у меня фантазия иссякла. Да?! Даже так! Это которая самая активная? Да, да, помню, все вопросы мне задает. Один глупее другого. Ну, и бог с ней. Скажи, что у меня рак или инфаркт. Что меня увезли в Склифосовского, наконец. Я никак не могу. Я наверстаю, все всё сдадут. Моя группа всегда впереди. На белом коне. Так и передай им. Целую. Естественно, естественно...

КОВАЛЬ положил трубку на рычаг, долго смотрит перед собой. В подвале опять появилась СВЕТА, осматривается по сторонам, бродит по подвалу взад-вперед. КОВАЛЬ вздохнул, опять долго вертит диск телефона.

(В трубку.) Мама! Это я! Как самочувствие! Нормально! Я рад, счастлив и все такое. Ну? Что за проблема, не понимаю. Верти все ручки подряд — на что-нибудь набредешь. Ма-ма! *(Повышая голос.)* Мать! В твоём возрасте уже пора научиться обращаться с телевизором. Что ты предлагаешь? Мне бросить все дела и ехать к тебе на другой конец города настраивать телевизор? Ну, не знаю, попроси соседа. Ну, этого, у которого — эрдель. Тогда звони в ателье. И точка. Мне никто не звонил? Да? Ты уверена? Ну, пока! Хвостатому другу — пламенный привет! Пожми от моего имени лапу. Целую.

КОВАЛЬ спрятал телефон в тумбочку, опять долго сидел неподвижно. Потом медленно поднялся, пригладил волосы и вышел из каморки. Увидел Свету, удивленно усмехнулся.

СВЕТА. Вы плохо выглядите. У вас неприятности?

КОВАЛЬ. Просто ужасно болит голова. *(КОВАЛЬ прошелся взад-вперед, присел на край стола.)* Все мы настолько несовершенно устроены, что впору опуститься на четвереньки и выть на луну. *(Задумчиво.)* В первой половине жизни делаем глупость за глупостью, растрачиваем по пустякам способности, силы, здоровье, во второй хватаемся за голову и пытаемся все разом исправить...

СВЕТА. Вы совсем еще не старый

КОВАЛЬ. Света! Света! Хотите, открою вам секрет? Только вам, никому другому. Сам не знаю почему. Каждому человеку отпущена не одна, а три жизни. Целых

три! (*Загибая пальцы.*) Трудяги! Бездельника! И шарлатана! Было время, я вкалывал, как умел и даже находил в этом радость и удовлетворение. Я ведь тоже окончил институт, работал средним инженером. Но перспектив никаких не было, и меня потянуло на легкие хлеба. Ленился, развлекался и жил только в свое удовольствие. Сейчас я — ни то, ни другое. Сейчас я — шарлатан. Вожу всех за нос. Выдаю себя за то, чем не являюсь в действительности. Из меня такой же тренер, как переводчик китайского. Хотя поначалу я и верил, что эта секция — цель и смысл моей жизни. Но Света, Света! Нельзя одновременно хапать, хапать и заниматься творчеством. Не-сов-мес-ти-мо-о!!! Сейчас я всех обманываю. И вас в том числе. Я не имею права учить. Конечно, я играл когда-то. Говорят, даже неплохо. Подавал надежды. Но учить! Настоящий тренер — это призвание, талант. Я же просто-напросто зашибаю деньгу. Не совсем честным способом. А посему прошу вас, Света! Не носите мне больше ваших трешек. Не надо. Конечно, я большего и не заслуживаю, но все-таки — не надо. Вас я обманывать не могу. И ходить вам сюда тоже больше не стоит, честное слово. Вот такая история, Светла-ана-а!

СВЕТА. Вы наговариваете на себя. Я не верю, что все так...

КОВАЛЬ. Так, Света. Именно так. И не иначе. Я самый заурядный аферист, мошенник. Раньше таких окунали в бочку с дегтем, и валяли в перьях. А потом гнали через город под свист и улюлюканье.

СВЕТА. Значит, мы больше не будем заниматься?

КОВАЛЬ (отрицательно помотал головой, схватился за нее обеими руками, болезненно сморщился.)
Не могу, Света. Не хочу вас больше обманывать. Кроме того, у меня до такой степени болит голова, что не передать словами. Того гляди треснет пополам. Ощущение, будто в затылке просверлили отверстие и залили туда кипящее масло. Знаете, на котором жарят эти гнусные пончики в забегаловках. Вот и мои мозги сейчас бедные!.. Хоть криком кричи... Ох-х! Господи! Не подумайте, что я просто выпил вчера. Я вообще не пью. Разве что пиво. Да и то изредка. Но с головой в последнее время творится что-то непонятное. Извините. Мне даже ворочать языком трудно.

СВЕТА. Хотите я вас вылечу?

КОВАЛЬ вопросительно посмотрел на нее, усмехнулся.

Сниму вашу головную боль. Это очень просто. Сядьте, пожалуйста, сюда. Не бойтесь, это совсем не страшно.

КОВАЛЬ послушно сел на стул, морщится.

Опустите руки. Закройте глаза и постарайтесь думать о чем-нибудь совсем постороннем, приятном, радостном

КОВАЛЬ. Это невозможно. В моем теперешнем положении нет ничего приятного. Радостного тем более. Разве только вас увидишь.

СВЕТА. Помолчите. Молчите и вспомните свое детство. Если не можете. Один, два, три. Закройте глаза и считайте.

КОВАЛЬ морщась, едва шевелит губами. СВЕТА подошла к нему сзади, осторожно положила одну ладонь на лоб, другую на затылок. Смотрит прямо перед собой. Взгляд ее становится решительным и бесстрастным. Она будто смотрит куда-то далеко вперед. Из динамиков доносится тихая, чуть грустная мелодия.

СВЕТА. Вот и все! Вам полегчало, правда?

СВЕТА резко сняла ладони с его головы, отошла на шаг. КОВАЛЬ пощупал голову, встряхнул ею, встал со стула.

КОВАЛЬ. Че-е-ерт возьми-и! Прошла-а! Надо же, совсем прошла! Потрясающе! Как вам это удалось? (СВЕТА устало улыбнулась, пожала плечами.) Нет, в самом деле! Когда мне рассказывают подобные басни, я не верю! Но теперь... Вы что, медиум, гипнотизерка, экстрасенс?

СВЕТА. Нет.

КОВАЛЬ. Потрясающе! Как вы это делаете?

СВЕТА. Не знаю. Получается как-то само собой. Я просто очень старалась забрать вашу боль себе. Словами трудно объяснить.

КОВАЛЬ. Ну, а все же как?

СВЕТА. Нужно очень сосредоточиться и...

КОВАЛЬ. И?

СВЕТА. И очень захотеть помочь. Я не знаю, честное слово. Как еще сказать. Вот с мамой проще. Я ей всегда помогаю, когда она плохо себя чувствует. Правда, она ничего не знает. Вы ей не говорите, пожалуйста, ладно?

КОВАЛЬ. Почему?

СВЕТА. Мама очень впечатлительный человек. Легко увлекается. Сегодня одним, завтра другим. Если она узнает, непременно захочет, чтоб об этом писали в газетах. Начнет меня водить по врачам, знакомым, показывать всем. Я не хочу.

КОВАЛЬ. Но ведь ваше умение — это потрясающе! Большие деньги можно делать! (*Спohватившись*). Извините, я не то хотел сказать. Просто не каждый день такое встречается Потрясающе!

СВЕТА. Ничего особенного. Так только со стороны кажется.

КОВАЛЬ. А мебель вы двигать умеете?

СВЕТА. Мебель? Зачем?

КОВАЛЬ. Ну, я имею в виду двигать предметы взглядом.

СВЕТА. Нет. Конечно, нет. Этого никто не умеет. Это чепуха. Не верьте, если вам говорят, что кто-то умеет. Это невозможно.

КОВАЛЬ. Почему?

СВЕТА. Человек слишком слаб.

Некоторое время оба, улыбаясь, смотрят друг на друга.

СВЕТА. Ну, я пойду?

КОВАЛЬ. Как! А как же наши занятия? Нет, нет.

СВЕТА. Вы сами сказали, мне не стоит больше приходить.

КОВАЛЬ. Мало ли что может ляпнуть человек, когда у него раскалывается голова от боли! Вам-то это известно лучше других.

СВЕТА. Нет, нет. Мне нужно идти.

КОВАЛЬ. Черт! Нелепость какая-то! Нет, это невозможно! Вы не должны уходить! Мы будем играть только по-вашему, состязаться в благородстве. Трешки по боку. Навсегда.

СВЕТА. Извините, не могу. Обычно после такого сеанса я сама чувствую сильную головную боль. Мне нужно некоторое время, чтобы прийти в себя. Извините.

КОВАЛЬ. У меня гениальная идея! Я вас везу за город! Чистым воздух, тишина, озон — вот что вам сейчас необходимо.

СВЕТА. Нет, нет, я никуда не поеду.

КОВАЛЬ. Светлана-а! Ни слова больше! Старших нужно слушаться! Идем, и точка. Садимся в «Жигули», и через двадцать минут мы на лоне. Я знаю одно место...

СВЕТА. Нет. Не знаю, вы хорошо управляете машиной?

КОВАЛЬ. Хорошо?! Хорошо — не то слово! Я лучший шофер — любитель во всей Европейской части. Спросите любого гаишника в любом районе города, каждый вам скажет...

СВЕТА. Тогда я не еду. Нет, нет. Извините.

КОВАЛЬ. Вот те раз! Почему?

СВЕТА. Я боюсь быстрой езды.

КОВАЛЬ. Клянусь! Буду ехать медленнее самой зачуханной инвалидной-коляски! Медленнее, чем не знаю кто!

Распахнулась дверь подвала, на пороге появился ГЛУХОВ. Он очень взволнован, вытирает шею носовым платком.

ГЛУХОВ. Юрий Андреевич! Тут такое дело. Там какие-то подлецы у твоих «Жигулей» колеса отвинтили! Правое переднее и левое заднее. Вот подлецы! Ворье!!!

КОВАЛЬ несколько секунд стоит в оцепенении. Пауза. СВЕТА начинает смеяться. Весело и очень громко.

КОВАЛЬ. Черт! Черт!! Че-е-ерт!!! Будь все проклято-о!!!

КОВАЛЬ выскакивает из подвала, сильно захлопывает за собой дверь. ГЛУХОВ укоризненно смотрит на Свету.

ГЛУХОВ. Вам все хиханьки, хаханьки! У человека машину украдут, вам смешно. Свет без толку днем падите, мне штраф пришлют

— вам тоже смешно!

СВЕТА. Извините. Я нечаянно. Извините. До свидания.

СВЕТА, продолжая улыбаться, поднимается по ступенькам и выходит из подвала. ГЛУХОВ смотрит ей вслед, покачивает головой. Потом переходит от одного выключателя к другому, щелкает. Одна за другой гаснут лампы дневного света. Подвал постепенно погружается в полутьму. Только на втором плане продолжают игру две девочки. Пауза.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Раннее утро. В каморке у окна, стараясь не шуметь, СВЕТА одевается, причесывается. КОВАЛЬ спит на тахте, отвернувшись к стене и укрывшись с головой одеялом. СВЕТА привела себя в порядок, подошла к тахте, осторожно тронула Ковалю за плечо, слегка потрясла его.

СВЕТА. Юрий Андреевич! Вставайте! Я ухожу.

КОВАЛЬ повернулся на спину, трет ладонями лицо.

КОВАЛЬ. Что?! Ты чего? Случилось что?

СВЕТА. Мне пора.

КОВАЛЬ. В такую рань?! Потрясающе!

СВЕТА. Мне нужно на работу.

КОВАЛЬ. Работа: работа не медведь. Погоди! Разве ты где-то работаешь? Я думал...

СВЕТА. Лаборанткой. В институте.

КОВАЛЬ. Погоди, погоди! Какая работа! Сегодня суббота.

СВЕТА. Сегодня понедельник.

КОВАЛЬ. Разве?! Не может быть! Потрясающе! Воскресенье куда подевалось? Я что-то не заметил.

СВЕТА. Как раз вчера, в воскресенье, вы позвонили и сказали, что если я немедленно с вами не встречу, случится непоправимое.

КОВАЛЬ несколько секунд молчит, вздыхает.

КОВАЛЬ. Мне казалось, это было в пятницу.

СВЕТА. Нет, вчера. В воскресенье. У вас был такой голос. Вы так и не сказали — что непоправимое могло случиться?

КОВАЛЬ. Мы бы не увиделись.

СВЕТА. Понимаю. Извините. Непоправимое не случилось. Я пойду.

Вы только откройте мне дверь. Выпустите, пожалуйста.

КОВАЛЬ. погоди, Света! Мне кажется, тебе давно пора называть меня на «ты». А то у меня ощущение, будто...

СВЕТА. Нет, я не могу, Юрий Андреевич! У меня к вам просьба. Никогда больше не звоните. Если мама узнает, вы даже не представляете, что может произойти.

КОВАЛЬ. погоди, погоди! Или я не окончательно проснулся, или ты что, хочешь сказать, что... Потрясающе!

СВЕТА. Мама ничего не должна знать. Я ей сказала, что еду к подруге по работе и там останусь ночевать. Если она узнает, я... я — отравлюсь. В нашей лаборатории это нетрудно сделать. Уверяю вас.

КОВАЛЬ. Да, но. Потрясающе! А как же дальше?.. Ведь нельзя же. Потрясающе! погоди, я встану.

СВЕТА. Одевайтесь, я отвернусь.

СВЕТА отошла к окну, смотрит на улицу. КОВАЛЬ судорожно одевается, приглаживает волосы, глухо кашляет.

КОВАЛЬ. Света! Давай сядем, во всем спокойно разберемся.

СВЕТА. Юрий Андреевич!

КОВАЛЬ. Перестань меня называть «Юрий Андреевич»! Слушать тошно!

СВЕТА. Мне на работу пера. Нас за опоздания очень ругают. И маме я обещала позвонить с утра. Она волнуется.

КОВАЛЬ. погоди! Сядь! Я потом довезу тебя на машине.

СВЕТА. Никогда больше не сяду в вашу машину. Вы гоняете как сумасшедший.

КОВАЛЬ. Ты ведешь себя так, будто между нами ничего...

СВЕТА. Ничего непоправимого не случилось.

КОВАЛЬ. Ты... Я... Я ни черта не понимаю! Потрясающе!

СВЕТА. Не выходить же мне за вас замуж, в самом деле.

КОВАЛЬ. Потрясающе! Почему бы и нет. Разве...

СВЕТА. Юрий Андреевич!

КОВАЛЬ. Я сказал, прекрати меня называть — «Юрий Андреевич»! Я терпеть не могу свое имя. И отчество, кстати, тоже. Зови просто — Коваль, если не можешь иначе.

СВЕТА. Я не могу вас называть по фамилии. Она мне не нравится. Кличка какая-то. У меня собаку звали — Ковыль, потому что я подобрала ее в степи. Мы с мамой ездили на машине на юг, остановились отдохнуть в степи...

КОВАЛЬ. Давай, давай! Расскажи мне про своих собак, кошек! Самое время! Потрясающе!

СВЕТА. Почему вы говорите со мной таким тоном? Ничего, кроме хорошего, я вам, кажется, не сделала. Я вас пожалела, а вы...

КОВАЛЬ. Пожалела?

СВЕТА. У вас глаза как у бездомной собаки.

КОВАЛЬ взволнованно ходит взад-вперед по камерке.

КОВАЛЬ. Потрясающе! Потрясающе! Я и есть — из породы городских дворняг. Но, между прочим, ни я, ни братья мои меньшие, мы не способны на подлость, как ты должна была сама заметить. Я не отпущу тебя просто так. После того, что произошло...

СВЕТА. Ничего непоправимого. Если вы не оставите меня в покое, тогда... тогда действительно случится непоправимое.

КОВАЛЬ. Черт возьми! Потрясающе! А что прикажешь делать мне?

Как дальше жить?

СВЕТА. Не знаю. Извините, мне пора на работу.

КОВАЛЬ медленно подошел к двери, долго возится с замком. Потом широко распахивает дверь. Пауз а.

КОВАЛЬ. Иди. Если ты просто так уйдешь, если... если все так и кончится, значит, ты такая же, как все. Ты тоже участвуешь в заговоре с целью растоптать меня.

СВЕТА. Вы... вы сами не соображаете, что говорите! Вы... как моя мама! Сначала говорите, потом думаете! Отойдите от двери.

КОВАЛЬ секунду помедлил, потом резко закрыл дверь.

КОВАЛЬ. Света! погоди! Если ты сейчас уйдешь, действительно случится непоправимое. Света! Я на последнем издыхании. Загнанных лошадей, сама знаешь. С твоим появлением у меня возник шанс выжить. Свет в конце мрачного длинного коридора. Света! послушай меня, прошу! Давай уедем. Вместе. Только ты и я. Это не минутная блажь, не просто слова. Меня действительно загнали в угол. Если я сейчас не порву все путы, я окончательно погиб. Я кончусь как личность. Останется одна гнусная оболочка. Знаешь, жизнь меня никогда особенно не баловала. Мне все давалось только с пятой попытки. А сейчас я встретил тебя. Ты для меня все. Это опять не только слова, это правда. Самая большая, на какую я способен. Меня обложили со всех сторон. Жена, техникум, секция. И все требуют, требуют, требуют. А я не могу выполнить и половины их требований. Даже малой доли не могу. Я не тот. Ощущение, что я попал в комнату, а стены медленно сдвигаются и сдвигаются. Еще немного и... Давай уедем. У меня есть машина. Да, не «мерседес», но все-таки. Четыре колеса. Уехать далеко можно. Конечно, ты достойна сотни, тысячи всяческих «мерседесов», но пока я ничего не могу тебе дать. Я могу только просить — помоги! Не бросай меня, Света! Ведь ты, как никто другой, чувствуешь чужую боль.

Неужели ты не видишь, не чувствуешь, еще немного, и ниточка порвется. Та самая, которая тянется от колыбели до гроба. Должна тянуться, во всяком случае. Одно время мне катилось, что у меня её нет. Потерял. Была, да порвалась. Но, встретив тебя, я чувствую, я еще жив. В самой глубине еще теплится во мне что-то человеческое. Давай уедем! Где-то в Прибалтике есть такой городок... черт!.. Забыл название! Меня почему-то с самого детства туда тянет. Я уверен, там мое место, там мне будет хорошо. Там меня никто не знает. Черт с ней, в конце концов, не думай, что я человек только настроения. Сегодня одно, завтра другое. Нет, я понимаю, все не так просто. Если не получится, если наша поездка обернется обычным пошлым пикничком, то тогда, по крайней мере, тогда я буду знать, что сделал все, что мог. Испробовал все!

КОВАЛЬ закашлялся, сильно замотал головой. СВЕТА стоит у окна, смотрит на улицу. Потом на часы. Пауза.

СВЕТА. Я вам не верю. Вы как-то заученно все говорите, будто уже не в первый раз. Извините, мне пора на работу. Пропустите меня, пожалуйста! Отойдите от двери! (*КОВАЛЬ медленно отошел от двери. СВЕТА прошла мимо него, остановилась в дверях, обернулась.*) Я вас предупредила. Не звоните больше. Ни мне, ни маме! Иначе... До свидания!

СВЕТА повернулась, торопливо прошла по подвалу и вышла на улицу. КОВАЛЬ долго стоял неподвижно.

Потом опустился на тахту, откинулся на спину, закрыл глаза. Пауза. Не вставая с тахты, КОВАЛЬ протянул руку, достал из тумбочки аппарат, поднес к уху трубку, набрал номер.

КОВАЛЬ (в трубку). Мама! Это я. Ничего, все в порядке. Просто голос такой. Нет, не думал даже. Вы с Челкашем уже гуляли? Только собираетесь? Не спускай с поводка, убежит. Как нет! Само собой, в прошлый раз — не считается. Мне никто не звонил? Ну, и ладно. Да, мать! Что хотел спросить. Только ты не удивляйся. Что за человек был мой отец? Я ведь его почти не помню, совсем сопляк был, когда... Да, да нет, просто так. Просто представил себе, как бы он сейчас жил, чем занимался и все такое. Ты думаешь? Не знаю, не знаю. Мне бы твою уверенность. Да, да. Не смейся. Ладно, мать! Побоку высокие материи. Иди, гуляй с Челкашем. Привет ему. Пока. Заеду на днях. Целую.

КОВАЛЬ медленно опустил трубку на рычаг, сел на тахте. Долго сидел, не двигаясь, потом лег на спину, закурил. Не вставая с тахты, пододвинул магнитофон, нажал клавишу. Послышалась негромкая, чуть грустная мелодия. Затемнение.

Прошло несколько часов. В подвале на втором плане две девочки перекидываются шариком, весело переговариваются. КОВАЛЬ в той же позе лежит на тахте. То ли спит, то ли думает о чем-то. Музыка в магнитофоне смолкла. КОВАЛЬ, не поднимаясь с тах-

ты, нажал на клавишу. Потом пододвинул к себе телефон, долго вертит диск.

КОВАЛЬ (в трубку.) Алло! Техникум? Будьте так добры, позовите, пожалуйста, из учебной части Карину. Спасибо, спасибо: (Держит у уха трубку, глаза прикрыл рукой.) Кариночка? Здравствуй, это я! Как там мои пай-девочки? Да, да! Даже так! Ты уверена? Понимаю!.. Приказ об увольнении, это не приказ о премировании, и дураку ясно. Ты уверена? Ах, сама печатала. Ошибок много сделала? Нет, это я так. Шучу. Юмор у меня такой. Значит, так. А как я должен реагировать? Плясать от радости вроде нет оснований. Как считаешь? Нет, нет. Хоть из пушки пали в меня, разговаривать с ним не буду. У нас разные группы крови и все такое. Черт с ним, пусть подписывает. Не знаю, придумаю что-нибудь. Ты уверена, все до такой степени безнадежно? Конечно, конечно, о чем речь! Я не претендую. Было бы глупо. Его можно понять. Всех можно понять. Ладно, спасибо за информацию. Хорош был бы я, заявился бы на занятия. Представляю физиономии моих пай-девочек. А-а ладно! Черт с ним. Может, к лучшему. Перемена — главный ключ к успеху. Не помню, кто это сказал, но сказал точно. Спасибо тебе. За все. Конечно, куда я денусь. Пока. Целую.

КОВАЛЬ нажал на рычаг, трубку держит в руке. Лицо его выражает странную смесь усталости и отчаяния. Из трубки настойчиво доносятся короткие гудки. КОВАЛЬ положил ее на рычаг, закурил еще одну сигарету, лежит на спине. Распахнулась дверь, в под-

вал торопливо спустился ГЛУХОВ. Он быстро подошел к каморке, вошел, закрыл за собой дверь. Тяжело дышит, вытирает лицо и шею платком.

ГЛУХОВ. Коваль! Тут такое дело. Накрыли нас, одним словом!

КОВАЛЬ. Потрясающе! Кто и чем?

ГЛУХОВ. Ты из себя дурочку не корчи, не маленький! Настучал на нас кто-то. Меня вчера начальница на ковер вызвала. А рядом на стульчике тип сидит, невзрачный такой, в очках. И вопросыки все задает. Один невиннее другого. Я-то поначалу думал, насчет уборки помещений. Оказывается, нет. Насчет нас вынюхивают. Понял?

КОВАЛЬ. Потрясающе! Продолжай.

ГЛУХОВ. Дело нам с тобой шьют, одним словом. Бумагу составили. Милицию хотят подключать, не иначе. Понял?

КОВАЛЬ. Понял, понял.

ГЛУХОВ. Я ничего не подписывал, не на того напали. Но до суда дойти может, вполне. Тогда крышка нам с тобой, понял?

КОВАЛЬ. Потрясающе! Давно хотел спросить, где это ты в совершенстве блатной жаргон освоил? «Настучали», «накрыли», «дело шьют». Ты ведь вроде до пенсии на заводе вкалывал.

ГЛУХОВ. Моя жизнь, знаешь, ни в каком романе не опишешь. Всего повидал. Будь здоров!

КОВАЛЬ. Может, тебе спяну померещилось? Ну, вызвали, решили припугнуть для начала, а ты и...

ГЛУХОВ. Ты меня слушай! Я воробей стреляный! Тут такое дело, паленым пахнет, точно говорю. Бумагу составили, готовь тылы — первое дело. Ты — как знаешь, а я в больницу ложусь. На три месяца.

КОВАЛЬ. Аврал! Крысы бегут с корабля! От чего лечиться собираешься, от пьянства?

ГЛУХОВ. Сопляк ты! Мальчишка! Тебя жизнь все больше по головке, по шерстке гладит, что такое неприятности — ты и не нюхал. Потому и вякаешь, что на ум взбредет.

ГЛУХОВ нервно ходит взад-вперед по каморке.

Не-ет! Им меня голыми руками не взять! Глухова без хрена на сожрешь! Пусть докажут сначала. А так не-ет! Я сидеть на старости лет не собираюсь, не на того напали! Запомни, я знать ничего не знаю, ведать не ведаю, чем ты здесь занимаешься. Денег никаких и в глаза не видел. Мое дело сторона. Ты заварил эти занятия, ты и расхлебывай.

КОВАЛЬ. Потрясающе!

ГЛУХОВ. Собери своих сопляков и соплюшек, строго-настрого накажи, чтоб про деньги — молчок! Если так и дальше пойдет крутиться, их тоже расспрашивать станут. Мол, никаких денег. Просто так, мол. Для общего развития. Из добрых побуждений. Пусть докажут!

КОВАЛЬ. Может, мне лучше в бега удариться?

ГЛУХОВ. Ни-ни! Они сразу поймут — дело нечистое! А если я в больницу, а ты — как ни в чем не бывало, попробуй, докажи. Да еще если твои соплячки помалкивать будут, пустой номер. Ничего у них не выгорит, не

докажут. А то припаяют, будь здоров! Ты чего какой-то спокойный? Думаешь, тебя не касается? Лицо мне твое не нравится. Думаешь, пронесет?! Будешь сидеть сложа руки, упекут как миленького. «Мама» казать не успеешь.

КОВАЛЬ. Это я знаю. Давно.

ГЛУХОВ. Тогда чего сидишь, как истукан! Беги, звони, разыскивай своих сопляков! Предупреждай! Не дай бог, если они первые до их доберутся. Ты учти, я-то выкручусь

КОВАЛЬ. Надо думать. Ты человек опытный в таких делах.

ГЛУХОВ. А тебе — хана. Я тебя по-доброму предупредил. Другой бы на моем месте, свалил бы все на тебя и в кусты.

КОВАЛЬ сел на тахте, потер ладонями виски, усмехнулся.

КОВАЛЬ. Сколько?

ГЛУХОВ. Чего?

КОВАЛЬ. Сколько я тебе должен за сей благородный поступок? Чем расплачиваться — рублями, граммами, литрами?

ГЛУХОВ. Да-а. Не нравится мне твое лицо. Очень не нравится. Ты или ни черта не понял...

КОВАЛЬ. Я все понял. Давно. Время собирать камни, время разбрасывать. Не помню, кто это сказал. Во всяком случае, не я.

ГЛУХОВ. Вот припаяют тебе! По всей строгости. Будут тебе там и камни, и деревья, все будет.

КОВАЛЬ. По собственному опыту знаешь?

ГЛУХОВ. Сопляк! Щенок! Шпана подзаборная! Черт меня дернул с тобой связаться!

КОВАЛЬ неожиданно рассмеялся. Громко, с надрывом. ГЛУХОВ смотрит на него с тревогой, нахмурившись.

Смейся, смейся. Все — хиханьки, хаханьки! Смейся!

КОВАЛЬ Потрясающе! Потрясающе! Знаешь, что такое счастье? Счастье — это выход из безвыходного положения, Глухов. Будь здоров, дуй в свою больницу, не кашляй. Обо мне не беспокойся. Смотри — лечись хорошенько! Соблюдай режим, слушайся врачей и не приставай к медсестрам. Пока! Будем считать, мы больше не знакомы. Иди, иди. Мне позвонить надо. Иди. Потрясающе! Потрясающе!

ГЛУХОВ, неодобрительно покачивая головой и вытирая пот, вышел из каморки, по инерции на ходу погасил несколько лампочек и быстро вышел из подвала. КОВАЛЬ встал с тахты, взъерошил волосы, прошелся по каморке. На его лице появилось какое-то странное выражение — смесь веселости с отчаянием. КОВАЛЬ, усмехаясь, покачивая головой, опять взял телефон, долго вертит диск.

КОВАЛЬ (в трубку.) Привет, образина! Не узнаешь? Я тоже так думаю По делу, по делу. Стал бы я тратить на такого, как ты, время попусту. Хочу тебя осчастливить. Самым простым. У тебя, если мне не изменяет память,

предел мечтаний — купить машину и подъехать с шиком к своему парадному. Считаю, тебе повезло. Я продаю «Жигули». Очень дешево, слишком дешево, почти бесплатно. А сколько ты можешь? Вот и ладушки. Нет, ты не виляй, виляй. Раз сказал, значит, сказал. Гони деньги, и можешь хоть сейчас забирать машину. Да, да. Нисколько не шучу. Нет, нет, образина, так не пойдет. Мне нужны наличные. Такая блажь в голову пришла. Словом, или гони деньги, или сам знаешь, найти покупателя — только свистни. А-а нет, не могу ждать. Я вообще слишком долго ждал. Хватит. Отпросись с работы. Я думаю, за день мы управимся, все оформим. Ну, не такой уж ты незаменимый. Идет. Давай где всегда. Через полчаса подкачу к стекляшке. Будь! Будь!

КОВАЛЬ бросил трубку на рычаг, телефон задвинул ногой под тахту. Снял со стула новую рубашку, переоделся. Сунул в карман бумажник, осмотрелся, быстро вышел из каморки. Секунду смотрел на играющих девочек. Потом быстро вышел из подвала. Девочки продолжали весело играть, что-то оживленно обсуждали, смеялись. Пауза.

Прошло два дня. В подвале почти ничего не изменилось. Только каморка опустела. Нет ни вещей, ни бутылок, ни автомобильных покрышек. Ощущение, будто хозяин уехал. На втором плане по-прежнему две девочки вяло перекидываются шариком, изредка останавливаются, шепчутся. Распахнулась дверь подвала, по ступенькам решительно спустился КОВАЛЬ. В руках у него новенький чемодан-дипломат и какой-то

сверток в газете. КОВАЛЬ несколько секунд смотрит на играющих девочек, что-то соображает. Потом заходит в каморку, тщательно запирает за собой дверь, включает магнитофон. Ставит на стол дипломат, раскрывает его, достает несколько пачек денег, в основном по три-пять рублей, распикивает их по карманам. Потом достает из-под тахты телефон, набирает номер.

КОВАЛЬ (в трубку.) Мать! Привет, это – я! Как дела? А у Челкаша? Надо думать, у него свои проблемы. Не менее сложные. Конечно, конечно. Я ему сочувствую всей душой. Мать! Тут такое дело, как говорит один мой знакомый. Мне совершенно неожиданно предлагают командировку. Длительную. На два-три года. Сибирь. Дальний восток. Инспектировать техникумы. Да, очень выгодное дело. Денег можно кучу заколотить, с долгами расплатиться. Да, да. Понимаешь, я уже дал согласие. Подписал договор, одним словом. В том-то и дело, что прямо сегодня. Сейчас, можно сказать. Я уже на чемодане сижу. Нет, не могу. Самолет, сама понимаешь, ждать не будет. Ну, я же вчера был, виделись. Чего еще. Нет, нет. Нет ни минуты. Мать! Словом, я уезжаю, напишу при случае. Если не напишу, то не удивляйся, значит, замотался. Работа, мать, работа. Я же сказал, года на два, может, на три. Там видно будет. А чего тебе? Пенсию на дом приносят, да я подкинул. Живи и радуйся. Почему одна? А друг хвостатыи? Ну, и я о том же. Он десятка иных людей стоит. О чем речь, о чем речь! Ладно, ма-ма! Мать! Все, целую! Не могу больше говорить.

Пока! Хвостатому — пламенный! Целую, все! Пока, пока!

КОВАЛЬ положил трубку, сильно помотал головой. Встряхнулся, прибавил громкость в магнитофоне. Развернул газету, размотал довольно длинную белую веревку. Смотрит на потолок, туда, где к балке крепится абажур с лампочкой. Потом пододвигает стол, ставит на него стул, взбирается наверх и привязывает веревку с петлей к балке. Звучит негромкая мелодия. Девочки, переговариваясь, продолжают игру. КОВАЛЬ тщательно укрепил веревку, примерил себе на шею. Все это он проделывает спокойно, без суеты и спешки. Даже насвистывает, стараясь попасть в такт музыке, звучащей из магнитофона. Раскрылась дверь подвала, по ступенькам спустилась ЖЕНА. Она озабоченно осмотрелась, услышала музыку, подошла к камерке, прислушалась. КОВАЛЬ, услышал шаги, замер. Некоторое время оба стоят неподвижно, каждый на своем месте.

ЖЕНА осторожно постучала в дверь. КОВАЛЬ не шелохнулся.

ЖЕНА. Юра! Это я. Ты там один?

КОВАЛЬ осторожно спустился со стула, ставит на место стол и стул, прибавляет громкость в магнитофоне. Видно, что он заметно нервничает, руки у него трясутся.

КОВАЛЬ. Сейчас, погоди! У меня тут маленькое дело. Сейчас!

ЖЕНА еще раз прислушалась, потом отошла вглубь подвала, смахнула со стула пыль, опустилась на него. КОВАЛЬ еще раз посмотрел на веревку, окинул быстрым взглядом каморку, взял в руки дипломат, открыл дверь, быстро вышел. Тут же запер ее за собой на ключ. Видно, что он сейчас в состоянии крайней взволнованности, почти истерической взвинченности, хотя и старается не показывать этого.

КОВАЛЬ. Привет! Потрясающе! Ты чего заявила? Я же сказал, приеду сам, все будет по-прежнему. Сама знаешь, я раз сказал, значит, сказал. Потрясающе! Шага ступить самому не дадут. Проверяют, контролируют, шпионят! Потрясающе! Я же сказал...

ЖЕНА. Извини, но я не поверила.

КОВАЛЬ. Потрясающе! Впрочем, это твое личное дело. Я не намерен тебя ни разубеждать, ни переубеждать. Думай, как хочешь.

КОВАЛЬ подошел к столу, поставил на него дипломат, раскрыл его, достал толстую тетрадь, листает ее.

ЖЕНА. Юра! Ты там действительно был один?

КОВАЛЬ. Потрясающе! Разумеется, нет. У меня там десяток женщин. Всех возрастов. На все вкусы. Ты же знаешь, я никогда не говорю правды Из принципа. Сегодня только этим можно выделиться из общей массы.

(КОВАЛЬ листает тетрадь, делает в ней какие-то пометки.) Но все это к делу не относится. А дело в чем? А дело в том, что вот тебе сберкнижка. На предъявителя, так сказать. В ней как раз та сумма, которая, по моему разумению, должна тебя устроить.

КОВАЛЬ достал из дипломата книжку, положил на стол. ЖЕНА поднялась со стула, подошла, смотрит книжку.

ЖЕНА. Юра! Откуда у тебя деньги?

КОВАЛЬ. Продал машину.

ЖЕНА. Почему книжка на предъявителя?

КОВАЛЬ. Глупый вопрос.

ЖЕНА положила книжку в сумочку, с недоверием смотрит на Ковалю. Тот по-прежнему делает пометки в тетради.

ЖЕНА. За сколько ты продал машину?

КОВАЛЬ. Хочешь спросить, что я намерен делать с остальными деньгами? Во-первых, тебя это не касается. Денег на книжке вполне хватит и тебе и Наташке. И твоей мамаше с сестрицей, впрочем, я ошибаюсь, они прорвы, на них не напасешься. Но вам с Наташкой хватит. Это, во-первых. А во-вторых, остальные деньги мне нужны, чтоб расплатиться. У меня, видишь ли, накопилось множество долгов. Самых разнообразных. Слыша, наверное, «за все в жизни нужно платить»! Гениально по своей простоте, глубине и мудрости. Нечто вроде «молоко — изумительная пища, созданная самой при-

родой» или «не ходи по косогору — сапоги стопчешь». Потрясающе! Гениально! Вот этим я и собираюсь заняться. Тебе нужно что-нибудь еще?

ЖЕНА. Ты сказал, вернешься? Или мне показалось по телефону?

КОВАЛЬ. Сказал. Вот только с делами управлюсь. Извини, ты меня отвлекаешь. Я всегда был не в ладах с арифметикой. В этой науке черт ногу сломит. Ты иди, иди домой. Я позвоню. Потом приду. Я скоро. Все будет хорошо. Все будет как у всех.

ЖЕНА настороженно смотрит на Ковалю, кусает губы. Потом, что-то решив, отходит в угол, садится на стул.

ЖЕНА. Я подожду тебя. Не возражаешь?

КОВАЛЬ. Долго ждать придется. У меня куча дел. Вагон и маленькая тележка. И еще чуть-чуть. Самая малость. Так что.

ЖЕНА. Я не спешу.

КОВАЛЬ. Твое дело. Хозяин — барин.

КОВАЛЬ оторвался от тетрадки, громко хлопнул в ладоши. Девочки на втором плане замерли, смотрят на него.

КОВАЛЬ. Эй, красавицы! Идите-ка сюда! У меня к вам дело!

Девочки медленно подходят, с интересом смотрят на него. КОВАЛЬ закончил делать пометки в

тетради, достал из карманов пачки денег, отсчитывает, делит на две кучки.

КОВАЛЬ. Раз, два, три, четыре... восемнадцать, двадцать... тридцать Это тебе! *(Протянул пачку Первой девочке. Та взяла, изумленно переглянулась со Второй. КОВАЛЬ продолжает считать.)* Раз, два, три, четыре... семнадцать, восемнадцать, двадцать три... *(Протянул пачку Второй девочке, та взяла.)*

ЖЕНА привстала со стула, с тревогой смотрит на Ковалю.

Вот, кажется, все! Передайте своим родителям. Смотрите не потеряйте! Никаких кино, никаких мороженых, знаю я вас! Деньги отдать родителям! Можете поиграть еще минут двадцать, потом — по домам, ясно? *(Девочки, оглядываясь, отходят на второй план.)* Родителям передайте, секция закрывается! Факир был пьян, фокус не удался. Предприятие прогорело, акции упали в цене, на бирже паника! Так и передайте своим родителям. Они поймут. Деньги — нечто вроде выходного пособия. Идите, идите.

Девочки подошли к столу, перекидываются шариком, но внимание их целиком приковано к первому плану. ЖЕНА решительно подошла к Ковалю. Он опять листает тетрадь.

ЖЕНА. Юра! Что ты делаешь?

КОВАЛЬ. Неужели не ясно? Потрясающе! Чтоб понять, не надо быть семи пядей во лбу! Расплачиваюсь с долгами. Нельзя только брать, когда-то нужно и отдавать, верно?

ЖЕНА. Ты сошел с ума?!

КОВАЛЬ. Возможно. Только не спрашивай меня насчет шишки под носом у алжирского бея. Я не в курсе — откуда она у него, давно ли и по какой причине выросла именно под носом. Честное слово, мне об этом ничего не известно. Может, кто другой знает. Я — нет. Хотя ты и утверждаешь, что я сошел с ума.

ЖЕНА. О чем ты говоришь?

КОВАЛЬ. О том, что «жизнь прожить — не поле перейти». И что «нельзя объять необъятное». Лично для меня это стало яснее ясного. Со всей очевидностью, как говорится. Как дважды два четыре. Как то, что Волга впадает в Каспийское море, как «ученье свет, неученье — тьма»! Извини, я только переключу магнитофон!

КОВАЛЬ стремительно подошел к камерке, вошел, запер за собой дверь, прислонился к стене, закрыл лицо руками. Видно, что вести себя как ни и чем, ни бывало, стоит ему большого напряжения сил. ЖЕНА осторожно подошла к двери, прислушалась. КОВАЛЬ стоит по другую сторону двери, закрыв лицо руками. Плечи его мелко вздрагивают. Взяв себя в руки, КОВАЛЬ переключает магнитофон. Опять звучит музыка. КОВАЛЬ вышел из камерки, тщательно запер за собой дверь и, не глядя на Жену, подошел к столу, вернулся к подсчетам в тетрадке.

ЖЕНА наблюдает за ним.

КОВАЛЬ. Очень хочется музыки. Последнее время меня угнетает тишина. Тебя — нет? Впрочем, прожить столько лет в одной квартире с двумя крикливыми идиотками — привыкнешь к чему угодно. Хочется чего-нибудь старинное, классическое. Если б у меня был слух, я бы наверняка стал музыкантом. Мне всегда казалось, музыканты — сплошь счастливые люди. У меня отец немного пел. По крайней мере, так утверждает мать. Великим я бы наверняка не стал, но прикоснулся бы. А это уже немало... немало.

ЖЕНА. Юра! Что с тобой происходит? Я вижу, что-то случилось, ты не в себе, Юра!

КОВАЛЬ. Ничего такого выдающегося, из-за чего стоило бы поднимать шум. Разве не видишь! Плачу долги, подвожу итоги. Предварительные, разумеется. У велогонщиков есть такой термин — промежуточный финиш! До финала еще далеко, его и не видать за многочисленными изгибами, подъемами и поворотами, но кое-что уже становится ясным.

ЖЕНА. Например?

КОВАЛЬ. О, господи! Потрясающе! Например, «не плюй к колодець», «не бей лежачего», «не укради», «не сотвори», «не убий». Мало ли! Ты бы не могла оставить меня в покое? Хоть на некоторое время. Ты мне на нервы действуешь! Ходишь по пятам, как сыщик из царской охранки, и сверлишь взглядом затылок. Даже голова болит. И по спине — мурашки. Чего тебе надо?

ЖЕНА. Не кричи на меня, пожалуйста! Кажется, я не заслужила подобного обращения!

КОВАЛЬ. Заслужила, не заслужила — оставь эту алгебру, подсчитывать шкуры неубитых медведей — черпать воду решетом. Пусть этим займется кто-нибудь другой, вроде твоей мамы. В самый раз по ее уровню. Потрясающе! Подсчитывать — кто чего заслужил! Ты ведь не так глупа. Я хотел сказать, не так безнадежно глупа. Иначе бы я на тебе просто не женился в свое время.

ЖЕНА. Я никуда не уйду, понял?

КОВАЛЬ. Я прошу тебя! Понимаешь? Про-шу-у!

ЖЕНА. Без тебя я отсюда не выйду!

КОВАЛЬ. Пошла-а во-он!!! Дура-а!!! Идиотка-а!!!

На пороге подвала, на ступеньках, появился ОЧКАРИК. Он с изумлением смотрит на Ковалю и его Жену. Пауза.

ОЧКАРИК. Здравствуйте! Извините.

ЖЕНА. Здравствуй, мальчик! Проходи, ты нам несколько не помешал. Даже наоборот. Проходи, проходи.

ОЧКАРИК спустился еще на одну ступеньку, смотрит на Ковалю. КОВАЛЬ быстро прошелся взад-вперед, остановился у стола, наклонился над тетрадкой.

КОВАЛЬ. Она права. Ты явился в самый раз. Как нельзя, кстати. Иди-ка сюда. Тут тебе причитается. (КОВАЛЬ склонился над столом, отсчитывает деньги.) Секция закрывается, я уйду на пенсию. Чтоб как-то сгладить нашу взаимную грусть по поводу предстояще-

го расставания — вот, небольшая сумма! Держи! (*Протянул небольшую пачку трешек.*)

ОЧКАРИК. И правильно, Юрий Андреевич! Давно пора.

КОВАЛЬ. Я рад и счастлив, что ты, именно ты — никто другой, верно понял и даже одобряешь мой сумасбродный поступок.

ОЧКАРИК. Денег не возьму.

КОВАЛЬ. Давно замечено, люди в очках умнее людей без очков. Надо было мне с самого детства тоже завести себе очки. Представляешь! Моя жизнь могла бы сложиться совершенно иначе. Я бы прожил совсем другую жизнь. И не стоял бы сейчас перед тобой в позе униженного просителя. Возьми, пожалуйста, очень тебя прошу!

ОЧКАРИК. Я у вас многому научился. И не только теннису.

КОВАЛЬ. В смысле?

ОЧКАРИК. Ну, на ошибках других тоже можно научиться.

КОВАЛЬ. Вот ты о чем! Потрясающе!

ОЧКАРИК. Вы правильно сделали, что закрыли секцию. Не ваше это дело. Вы с самого начала неверно себя поставили.

КОВАЛЬ. Извини, прости, больше не буду! Что делать, что делать, друг мой! Таким уж я уродился! Что сделано, то сделано, как говорится. Значит, не возьмешь?

ОЧКАРИК. Нет.

КОВАЛЬ. Что прикажешь делать мне?

ОЧКАРИК. Не знаю. Ваши деньги, что хотите, то и делайте.

КОВАЛЬ. Потрясающе! Эти трешки — твои! Понимаешь, твои-и!

ОЧКАРИК поправил очки на переносице, прямо взглянул Ковалю в глаза. КОВАЛЬ удивленно вскинул брови.

ОЧКАРИК. Вы что-то путаете, Юрий Андреевич! Никаких денег я вам не давал. Я у вас занимался - просто так. И все. Не понимаю, о чем вы...

КОВАЛЬ повернулся к Жене, показывает на Очкарика.

КОВАЛЬ. Потрясающе! Потрясающе! Ты только посмотри! А мы еще ругаем нашу молодежь. Дескать, они — циничные, рассудочные, рациональные, распушенные! Ничего подобного! Ты посмотри! Посмотри в эти честные и чистые глаза! Одухотворенное, неподкупное, целеустремленное лицо! Такие лица нужно писать, фотографировать и размножать, размножать. Нет, Нет! У нас растет прекрасная молодежь! Мы были хуже. Значительно! Ни в какое сравнение! *(КОВАЛЬ подошел к Очкарику, положил руку на плечо.)* Друг мой! У тебя и тебе подобных масса всяческих достоинств. Ты и тебе подобные прямо-таки набиты сплошными достоинствами. Просто дух захватывает. Но позволь мне, старому хрычу, твоему бывшему, так сказать, учителю — прости это неприличное слово! — поведать тебе напоследок

одну вещь... *(Понизив голос.)* Поделиться своим наблюдением, так сказать. У меня подозрение, что вашей целеустремленности недостает — цели. А вашей одухотворенности не хватает — духа! Ты меня понимаешь? Только никому не говори. Пусть это будет нашей с тобой тайной, хорошо? Об этом будем знать только ты и я. *(КОВАЛЬ с силой всунул Очкарику в руку деньги.)* А теперь забирай свои мятые трешки и катись отсюда — чем быстрее, тем лучше! Не выводи меня из терпения. Как сказал один очень умный человек, «не будьте во мне зверя». Он, зверь то есть, если проснется, может тебя скушать. Очень даже запросто. А-а-амм! И все! Был Очкарик, и нет больше Очкарика! Понял? Дуй отсюда!

КОВАЛЬ схватил Очкарика за шиворот, очень быстро подволок к двери и с силой вытолкнул на улицу. ОЧКАРИК не успел даже опомниться, как дверь за ним захлопнулась.

ЖЕНА. Юра! Юра-а!! Юра-а!!!

КОВАЛЬ потряхнул ладони, одна о другую, усмехнулся.

КОВАЛЬ. Тебя что-то не устраивает?

ЖЕНА. Зачем ты так. Тихий, скромный, воспитанный мальчик.

КОВАЛЬ. Ты мыслишь штампами, дорогая моя! Тихий, скромный, воспитанный! У нас ведь как, если в очках, значит — интеллигентный. Если в потертом пиджачке и спиртным попахивает — алкаш! Если при гал-

стук и в шляпе, стало быть — начальник! Тихий, скромный, воспитанный! Этот тихий, скромный и воспитанный накатал на меня анонимку. Я знаю что говорю! И не перебивай меня!

ЖЕНА. Давай, давай! Опять кругом враги, а ты — один!

КОВАЛЬ. Не накатал, так накатает. Вполне созрел для этого. Этим тихим, скромным, воспитанным пальца в рот не клади! Ты видела, ка-ак он на меня смотрел? Видела! Прямо-таки набит доверху самодовольным торжеством! А как же! Он этой минуты, этого мгновения ждал не один день! Спал и видел, как он откажется от своих трешек! Спокойно и с достоинством. Для таких пнуть ногой упавшего — верх блаженства, акт самоутверждения. Только я не из тех, кто подставляется, ясно? По крайней мере, этим тихим, скромным, воспитанным — не видать моей слабости, как своих собственных ушей! Впрочем, чего я тут перед тобой распинаюсь! У тебя дома наглядный пример. Даже два.

ЖЕНА. Юра! Послушай меня хоть раз в жизни

КОВАЛЬ. Отстань! Я знаю наперед все, что ты можешь мне сказать? О чем поведать? Не пей сырой воды? Чисти зубы по утрам? Люби ближнего как себя самого? Уступай места старым и инвалидам? Все эти умности я знал еще до появления своего на свет. Они заложены в меня на генном уровне. Только ни одна из них не принесла мне счастья, понимаешь? Можно всю жизнь прожить честно и скромно, переходить только на «зеленый» и не лезть без очереди. Что толку?

ЖЕНА. Юра-а! Что ты задумал?

КОВАЛЬ. Потрясающе! Потрясающе! Ни черта не поняла! Чтоб хоть что-то задумать, как ты выражаешься, нужно, как минимум, иметь собственные мозги, собственные мысли. У меня — ни того, ни другого. Я не человек, я — функция. Рожден для того, чтобы что-то производить и что-то потреблять. Не больше. Тогда будет гармония. А я ее нарушил. Неужели ты не понимаешь такой простой вещи? Потрясающе! А теперь уйди! Очень тебя прошу! Не заставляй меня превращаться в грубую скотину!

ЖЕНА демонстративно села на стул, закинула ноги на ногу. КОВАЛЬ нервно ходит взад-вперед по подвалу. Распахнулась дверь, в подвал решительно вошла ПРОНСКАЯ.

ПРОНСКАЯ. Коваль! Привет! Что ты сделал с моей дочерью?

КОВАЛЬ остановился как вкопанный, молчит.

КОВАЛЬ. Видите ли, чтоб объяснить все, что случилось, надо начать от Адама с Евой. А у меня нет ни сил, ни желания...

ПРОНСКАЯ. Ладно! Брось ты эту интеллигентскую привычку «выкать». Зови меня просто Алла.

КОВАЛЬ. Потрясающе!

ПРОНСКАЯ. Ты лучше скажи, что ты сделал с моей дочерью? Я ее прямо не узнаю! Похудела, похорошела. Она поет! Ты понимаешь? Моя Светка вдруг — запела! У нее ведь ни слуха, ни голоса. Спящая царевна просну-

лась.. Как это тебе удалось? Кстати, прости. Я вам не помешала? Ворвалась, как не знаю кто...

ЖЕНА. В самый раз.

ПРОНСКАЯ. Простите, а вы...

ЖЕНА. Жена.

ПРОНСКАЯ. Очень рада. Завидую вас. Иметь такого мужа...

ЖЕНА. Большой подарок. Я знаю.

ПРОНСКАЯ. Я несколько не преувеличиваю. Он — чародей.

ЖЕНА. Это — да. По части чародейства, волшебства и вообще всяких фокусов он большой специалист. Тут вы абсолютно правы.

ПРОНСКАЯ. Коваль! Я не сказала самого главного. У нее появился парень. Можешь себе представить?

КОВАЛЬ. Потрясающе! Потрясающе!

ПРОНСКАЯ. Ничего, симпатичный, скромный. Нет, ты только подумай! У моей Светки — парень! В ее сторону за всю жизнь никто ни разу не обернулся, а тут... Я замечаю, она в него влюблена. У них это быстро нынче. Вот цирк-то! Наверняка скоро объявит, что выходит замуж. Она мне уже намекнула.

КОВАЛЬ. А-а черт! Че-е-ерт!!!

ПРОНСКАЯ. Что?

КОВАЛЬ сморщился, стиснул обеими руками голову. ЖЕНА привстала со стула, с тревогой смотрит на него.

КОВАЛЬ. Ничего, ничего. Голова! Голова разболелась! Черт! Спазмы, наверное. Схватывает в самый неподходящий момент.

ПРОНСКАЯ. Ничего страшного Давление прыгает. Сейчас у всех голова болит. У меня самой в последние дни — просто раскалывается. Пачками глотаю анальгин — не помогает!

КОВАЛЬ. Вот что, женщины! Вы как хотите, а мне нужно на воздух Просто необходимо немного пройтись. Извините.

ПРОНСКАЯ. Я тоже иду. Я, собственно, только на минуточку. Поблагодарить. Ты в какую сторону? Я на машине.

КОВАЛЬ. Вот я и провожу вас до машины.

ЖЕНА подошла ближе, встала между ними.

ЖЕНА. Я тоже иду. Только мне на автобус.

КОВАЛЬ. Прекрасно! Потрясающе! Давайте я вас всех сразу провожу! Одним махом, так сказать.

ЖЕНА. Не обращайтесь внимания. Он иногда бывает на редкость грубым.

ПРОНСКАЯ. Что вы! Когда у человека болит голова, лучше его не трогать. Мужчины в таком положении становятся просто тиграми.

КОВАЛЬ. Давайте, женщины, давайте! Выметайтесь! На воздух! на воздух! Нам всем необходимо проветриться!

КОВАЛЬ, держась одной рукой за голову, открыл дверь на улицу, пропустил вперед себя Жену и Прон-

скую, оглянулся и быстро вышел следом. Девочки на втором плане продолжают играть. Некоторое время звучит музыка. Потом смолкает. Пауза. Резко распахнулась дверь, в подвал влетела ЛАРИСКА, за ней ОЧКАРИК. ЛАРИСКА быстро подошла к двери каморки, подергала ее, обернулась к девочкам.

ЛАРИСКА. Эй! Козявки! Ну-ка выметайтесь отсюда! Живо-о! (Девочки испуганно попрятали ракетки в сумочки и быстро исчезли, будто их и не было вовсе.)
Очкарь! Ты уверен?

ОЧКАРИК. Не слепой! Своими глазами видел с улицы. Через окно. Висит веревка. Может, он просто так решим пошутить?

ЛАРИСКА. Хороши шуточки!

ОЧКАРИК. Может, в милицию заявить?

ЛАРИСКА. Заткнись!

ЛАРИСКА сделала знак Очкарику, чтоб смотрел на улицу, сама начала ковырять перочинным ножом в замке. Пауза. ЛАРИСКА удачно ковырнула замок, распахнула дверь, остановилась как вкопанная, смотрит на петлю. Потом выглянула в подвал, сделала знак Очкарику и закрылась в каморке. Быстро пододвинула стол, поставила на него стул, взобралась, перочинным ножом делает несколько надрезов по всей веревке, в самых разных местах. Потом спускается с пирамиды, расставляет все по своим местам, быстро выходит из каморки, захлопывает дверь, переводит дыхание.

ОЧКАРИК. Ну!

ЛАРИСКА. Полный завал! Как думаешь, сколько он весит?

ОЧКАРИК. Кто?

ЛАРИСКА. Кто, кто! Наш супер-Коваль, кто еще! Килограммов восемьдесят, не меньше.

ОЧКАРИК. Причем здесь...

ЛАРИСКА. Если человек хочет шагнуть в пропасть, не нужно ему мешать, пусть топает.

ОЧКАРИК несколько секунд молчит, недоуменно смотрит на нее. ЛАРИСКА тяжело дышит, вытирает со лба пот.

ОЧКАРИК. Слушай! Это, а если...

ЛАРИСКА. Не каркай! Без тебя тошно. Расскажи лучше что-нибудь веселенькое. Анекдот какой-нибудь.

ОЧКАРИК. Я тебе не шут!

Распахнулась дверь, я подвал вошел КОВАЛЬ. Увидев Лариску, усмехнулся, достал из кармана деньги.

КОВАЛЬ. Кого я вижу! Наша неунывающая Лаура! Каким ветром? Впрочем, нетрудно догадаться.

ЛАРИСКА. Говорят, вы деньги раздаете.

КОВАЛЬ. Совершенно верно. Тебе тоже полагается — сумма.

ЛАРИСКА. Очень кстати. Мне как раз нужны туфли.

КОВАЛЬ. На высоком каблуке, надо думать. Сейчас, сейчас.

КОВАЛЬ подошел к столу, раскрыл тетрадь, листает ее, делает какие-то пометки, что-то подсчитывает. Шевелит губами.

(Протянул ей пачку денег.) Точно, как в аптеке, впрочем, лучше пересчитай. Доверяй, но проверяй. Бди, им словом. Не помню, кто это сказал. Кто-то из великих.

ЛАРИСКА. Во всяком случае — не вы.

КОВАЛЬ. Совершенно верно, дорогая Лаура! Абсолютно! На все сто, двести тысяч процентов. Ты всегда права. Как женщина и как человек. А правым быть хорошо, верно? Лучше быть правым. И богатым, чем неправым и бедным. Самая древняя истина.

ЛАРИСКА. Юрий Андреевич! Можно вопрос.

КОВАЛЬ. Если очень серьезный, то не надо. Не смогу. Я в жизни ни один серьезный вопрос не ответил.

ЛАРИСКА. Вопрос очень серьезный. У меня красивые ноги?

КОВАЛЬ. Потрясающе! Сказать просто красивые — ничего не сказать. У тебя ноги на уровне всех мировых стандартов. Даже выше. Этим самым мировым стандартом. Когда ты станешь совершеннолетней...

ЛАРИСКА. Еще один, можно?

КОВАЛЬ. Таких — хоть тысячу! Каждый твой вопрос наполнен таким глубоким содержанием, чтоб ответить на него, необходимо крайнее напряжение всех духовных и физических сил. Полет мысли, так сказать. Слушаю. Весь во внимании, как говорится.

ЛАРИСКА. Вы считаете себя неудачником?

КОВАЛЬ. Верно, Лаура! Правильно! Дуй дальше! «Бей чемпионов»! Самый актуальный лозунг дня. Лучший способ поднять себе настроение — сказать гадость другому. Одно время я думал что тебя, как, впрочем, и каждого из нас, произвела на свет женщина. Но я жестоко ошибся. Ты дитя гремучей змеи. Плевать ядом для тебя такая же естественная потребность, как другого чистить зубы по утрам. Я не считаю себя неудачником, дитя гремучей змеи! Я успел прожить не одну, а целых три жизни. Впрочем, это я, кажется, уже говорил. Но неважно. Главное, если ты заметила, в слове «неудачник» — приставка. Так вот. Для меня никогда не существовало всех этих «не», «нет», «не очень». Всегда было только «да». С большой буквы! Мне всегда светил только зеленый светофор. Я был на самой высокой ступеньке пьедестала. Правда, и в канаве под забором приходилось коротать время. Но я был везде. И наверху, и внизу! И справа, и слева! Главное — я был! А потому не считаю себя неудачником. Я жил на всю катушку. Не всегда соизмерял желания с возможностями, но, ни о чем не жалею. Я достаточно вразумительно ответил на твой вопрос? Или ты, как всегда, поняла только часть? И то — не самую важную?

ЛАРИСКА. Я про вас все давно поняла.

КОВАЛЬ. Потрясающе! Впрочем, не стоит удивляться. Ты не только ядовита, как змея, но и так, же мудра. И так же красива. Еще вопросы будут?

ЛАРИСКА. Вы разогнали секцию? Что будете делать дальше? Ваши творческие планы?

КОВАЛЬ. Обширные, блистательные, на редкость перспективные. Вам, мои юные друзья, кажется, взбре-

ло в голову, будто я сам — неважнецкий игрок? Других учил, мол, а сам — ни бум-бум! Прошу! Прощу к столу! Напоследок я покажу вам несколько своих коронных финтов!!! Ну, не пугайтесь, детки! Это не так страшно! Тем более вас двое, я — один! Устроим контрольный, урок, так сказать! Прошу!

ЛАРИСКА. А чего даже интересно!

КОВАЛЬ. Вот именно, дорогая Лаура! Именно, интересно!

КОВАЛЬ заскочил в каморку, резко врубил магнитофон на полную мощность. Гремит музыка. Соло ударника! ЛАРИСКА и ОЧКАРИК берут в руки ракетки и по несколько шариков. Ими явно овладел азарт. КОВАЛЬ встал по другую сторону стола, несколько раз со свистом разрезал воздух ракеткой.

Подавайте! Можете оба сразу! Ну! Ну!! Ну!!!

Оглушительно гремит музыка. ЛАРИСКА и ОЧКАРИК почти без пауз делают одну за другой подачи. КОВАЛЬ с легкостью и изяществом отбивает их и наносит неотразимые удары. ЛАРИСКА и ОЧКАРИК не успевают за ним, торопятся, ошибаются, бегают по подвалу за шариками. Гремит музыка. КОВАЛЬ успевает, и подавать, и отбивать удары, успевает даже повернуться вокруг себя на одной ноге. Он то подходит вплотную к столу и хладнокровно расстреливает обоих, то отходит в самый дальний угол подвала и оттуда наносит неотразимые удары. Темп игры нарастает и нарастает. Музыка гремит все громче и

громче. Неожиданно КОВАЛЬ швыряет ракетку на пол, подходит вплотную к столу, облакачивается на него руками, наклоняется к стоящим по другую сторону Лариске и Очкарику.

Вот так, дети мои! Вот так! И запомните на всю вашу оставшуюся жизнь: как бы вы хорошо ни играли, всегда найдется еще более лучший. Всегда кто-то будет талантливей, удачливей, сильнее. У кого-то ноги будут еще длиннее, а зрение еще орлинее, если так можно выразиться. Мудрость в том, чтобы научиться проигрывать! Запомните, дети! Проигрывать!

Распахнулась дверь, на ступеньках появился ГЛУХОВ. Он крайне взволнован, то улыбается, то мрачнеет. Делает Ковалю какие-то знаки, шевелит губами.

Если ты призрак — то сгинь! И не тревожь мой покой! Кто это и где сказал, хоть убей — не помню. Кто-то из классиков. Чего тебе понадобилось, старче?

ГЛУХОВ выразительно повертел глазами. КОВАЛЬ усмехнулся.

До свидания, дети мои! Всего доброго! Попутного вам во все места!

ЛАРИСКА и ОЧКАРИК, еще не успокоившись после игры, медленно идут к выходу. КОВАЛЬ машет им вслед рукой. ЛАРИСКА и ОЧКАРИК вышли на улицу. ГЛУ-

ХОВ закрыл за ними дверь, подошел к Ковалю почти вплотную.

ГЛУХОВ. Тут такое дело, Коваль! Ложная тревога, получается. Они совсем не о том бумагу составили. Насчет санитарного состояния. А насчет секции даже одобрили. Говорят, давай дальше. Развивай массовый спорт по месту жительства, одним словом. Вот такое дело получается.

КОВАЛЬ. Потрясающе! Другого слова не придумаешь — потрясающе!

ГЛУХОВ. Обещали помочь даже. Насчет инвентаря и прочее.

КОВАЛЬ. Потрясающе!

ГЛУХОВ. Теперь не знаю, как и быть. Ты-то сам как?

КОВАЛЬ. Как на эскалаторе. Бегу наверх, а ступеньки — вниз. Вверх по лестнице, ведущей вниз, одним словом. Впрочем, для тебя это, наверное, слишком сложно. У тебя ведь нет образного мышления. Ты — слишком практическая натура.

ГЛУХОВ. Считаю, надо отметить это дело! У тебя есть чего? Доставай свой марочный!

КОВАЛЬ. Потрясающе! Где-то, даже смешно.

ГЛУХОВ. Знал бы, какая туча над нашей головой проехала, знал бы, чем мы рисковали, ты б сейчас от радости — плясал!

КОВАЛЬ. Потрясающе, старче! Абсолютно потрясающе!

ГЛУХОВ. Не дошло еще. Потом поймешь. Так есть у тебя чего или сбегать?

КОВАЛЬ. Сбегай. Тебе полезно бегать. И прыгать — тоже. *(Усталое опустился на стул, долго молчит.)* Слушай, Глухов! Ты в шашки играешь? В поддавки, небось, мастак?

ГЛУХОВ. Домино больше люблю. Ты к чему это?

КОВАЛЬ. А ты наоборот никогда не пробовал? Играть — наоборот, жить — наоборот?

ГЛУХОВ. Для чего?

КОВАЛЬ. Не выигрывать, не выгрызать, не хапать, а отдавать. Уступать другим место, сторониться, поддерживать...

ГЛУХОВ. Стар я для этого, другим место уступать. Мне должны.

КОВАЛЬ. Ты не увиливай, старче! Я не про трамвай, я про другое. И ты не дурак, понимаешь — о чем я

ГЛУХОВ. Наоборот, говоришь? Поздно мне, старый уже. Это вы, молодые, должны нам пример показывать. Ты вон своим соплячкам, вертихвосткам всякие красивые слова говоришь, ты и покажи пример — как и что! А я, старый дурак, — погляжу.

КОВАЛЬ. Потрясающе, старче! С тобой не сговоришься. Ты вот дружков своих алкашей подбил у меня с «Жигулей» колеса снять. А потом мне же мои же колеса по дешевке продал. Думаешь, я не понял?

ГЛУХОВ вздрогнул, напрягся. Тут же заулыбался.

ГЛУХОВ. А ты не зевай.

КОВАЛЬ встал, подошел к Глухову вплотную.

КОВАЛЬ. Ну и образина! Ведь и я в старости могу таким стать.

ГЛУХОВ. Таким и будешь, куда ты денешься. Все мы по молодости шебуршим, словами всякими жонглируем, а жизнь-то она пообдерет с тебя всю шелуху, упаковку красивую, вся гнусь и вылезет. Таким же будешь. Мы с тобой одного поля ягоды. Да и остальные не лучше, прикидываются просто. Так как, в магазин-то сбегать?

КОВАЛЬ. Сбегай, сбегай. Вот тебе трешка. Последняя. Хотя, нет. Пстой! Беги, беги!

ГЛУХОВ забрал у Коваля три рубля и мелочь, оглядываясь, уходит. У самых ступенек, по привычке, гасит лампочку. КОВАЛЬ долго стоит, смотрит прямо перед собой. Потом заходит в каморку, достает телефон, набирает номер.

КОВАЛЬ (в трубку). Мама! Привет, это я. Слушай, это. Знаешь, моя командировка отменяется. Передумал. Да, да. Нет, все в порядке. Как там мой друг хвостатый! Привет ему! Ага! нет, нет, все нормально. Заеду как-нибудь. На днях. Пока. Целую.

КОВАЛЬ положил трубку на рычаг, тщательно запер дверь на замок, подергал ручку. Некоторое время, засунув руки в карманы, бродит взад-вперед по каморке, бросает взгляды на веревку, покачивает головой. Затем включает магнитофон, опускается на тахту, задумывается. Из магнитофона доносится чуть грустная мелодия. На ступеньках подвала появилась ЖЕ-

НА. Она быстро подошла к двери каморки, прислушалась, осторожно постучала. КОВАЛЬ поднял голову. ЖЕНА постучала еще раз.

ЖЕНА. Юра! Это я. Открой!

КОВАЛЬ. Потрясающе! Минуту одному побыть не дадут. (Поднялся с тахты, подошел к двери, взялся за замок, замер. Поднял взгляд на веревку.) Погоди! Одну минуту.

КОВАЛЬ отошел от двери, поставил стул, взобрался на него, пытается быстро отвязать веревку. ЖЕНА, видимо, почувствовав что-то неладное, начала громко, изо всей силы колотить руками в дверь.

ЖЕНА. Юра! Открой! Ты слышишь?! Открой!!!

КОВАЛЬ. Не сходи с ума! Сейчас открою.

ЖЕНА. Юра! Юра-а! Открой немедленно!!!

ЖЕНА, уже рыдая, судорожно, всем телом бьется в дверь. Та вот-вот сорвется с петель. КОВАЛЬ со злостью дергает веревку изо всей силы, она обрывается. КОВАЛЬ с грохотом падает со стула на пол. Почти одновременно срывается с петель и падает дверь. ЖЕНА влетает в каморку, видит сидящего на полу с веревкой в руках Ковалю. Переводит взгляд наверх, едва слышно вскрикивает, подносит руки ко рту. КОВАЛЬ сидит неподвижно, смотрит в сторону.

ЖЕНА. Юра-а! Юра-а! Юрочка-а!

КОВАЛЬ. Что «Юра»? Я скоро сорок лет как Юра. Что дальше? *(Трет одной рукой колено, другой — голову.)*

ЖЕНА. Ты это зачем? Ты что?!

КОВАЛЬ. Не бери в голову. Шутка. Неудачная. Я пошутил, понимаешь? Я по-шу-тил!!!

ЖЕНА. Нет, нет. Я чувствовала, видела. Ты какой-то не такой. Ты что-то задумал. Прости меня, Юра! Может, это я во всем виновата. Прости! Отдай мне ее! *(Показывает на веревку.)* Я тебя прошу, умоляю!!! Отдай!

КОВАЛЬ отшвырнул веревку в угол, продолжает сидеть на полу. ЖЕНА опустилась на колени, села на пол рядом с ним, крепко обняла, прижимает его к себе. КОВАЛЬ никак не реагирует, смотрит в одну точку перед собой.

Прости меня, Юра! Это я во всем виновата. Я больше никогда не буду. — Все будет, как ты скажешь, как ты захочешь. Хочешь, мы разменяемся, будем жить отдельно от мамы и сестры? Ты только скажи, все будет так, как ты скажешь. Юра! Скажи. Не молчи. И дай мне слою, что никогда больше и в мыслях этого держать не будешь. Подумай о Наташке. Ведь она совсем ребенок. Она любит тебя. Каждый день о тебе спрашивает. Юра! Давай начнем все сначала, а? Как ты говорил. Действительно, подумаешь! Нам еще нет и по сорока. Еще все впереди. Мы еще можем все наверстать. Много ездить, много работать, путешествовать Ты только не молчи, скажи хоть что-нибудь. Юра! Ты слышишь?

КОВАЛЬ, морщась, смотрит в одну точку.

КОВАЛЬ. Голова болит.

ЖЕНА. Хочешь, я сбегаю в аптеку? Или нет! Я тебя больше одного не оставлю. Нет, нет! Знаешь, мне показали один способ. Очень простой. Хочешь, я быстро сниму твою головную боль? Ты только расслабься. И сядь прямо. Вот так...

КОВАЛЬ слегка выпрямился. ЖЕНА положила одну руку ему на затылок, другую на лоб. Взгляд ее становится ясным я твердым. Она будто смотрит куда-то очень далеко.

Вот так. Успокойся. И старайся ни о чем не думать. Или о чем-нибудь совсем постороннем, радостном, приятном. Вот так. Сейчас, сейчас...

Из магнитофона доносится чуть грустная мелодия. КОВАЛЬ, закрыв глаза, сидит на полу. ЖЕНА, чуть сзади него, стоит на коленях, осторожно держит его голову в своих руках. Губы ее беззвучно шевелятся.

Долгая пауза.

1980 г.

